

РИЧАРД БАХ

ИЛЛЮЗИИ

Приключения одного мессии, который
мессией быть не хотел

СОФИА
OZON.RU

Предисловие автора

После публикации книги «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» я неоднократно слышал вопрос: «Что ты собираешься написать дальше, Ричард, что после „Джонатана“?»

Я отвечал тогда, что не собираюсь писать дальше ни слова, и что в своих книгах я сказал все, что хотел сказать. После того, как я некоторое время жил впроголодь, заложил свой автомобиль и все такое прочее, мне было приятно отдыхать, не работая до полуночи над черновиками.

И все-таки, почти каждое лето я выкатывал свой древний биплан на зеленые поля лугов Среднего Запада Америки, катал пассажиров за три доллара за полет и опять начинал ощущать хорошо знакомое внутреннее напряжение: у меня было еще что сказать, а я этого еще не сделал.

Я вовсе не люблю писать. Если у меня хватает сил отказаться от не до конца разработанной идеи, то я не стану и в руки брать карандаш.

Но время от времени стена моего дома взрывается искрами, стеклами и обломками кирпича; кто-то пробирается сквозь щель, хватая меня за глотку и вежливо говорит: «Я не выпущу тебя отсюда, пока ты не воплотишь меня на бумаге». Таким образом, я пришел к «Иллюзиям».

Лежа на спине на полях Среднего Запада и практикуясь в испарении облаков, я никак не мог отделаться от этой истории... Что если бы я повстречался с кем-нибудь, кто умел бы это делать, кто мог бы объяснить мне, как устроен мой мир и как им управлять? Что если бы мне удалось повстречать сверхпросвещенного... Что если бы в нашем времени оказался Сиддхартха или Иисус, обладающий властью над иллюзиями мира, потому что он знаком с реальностью, стоящей за ними? И что бы вышло, если бы я смог лично познакомиться с ним, если бы он тоже летал на биплане и приземлился бы на одном поле со мной? Что бы он сказал, как бы он выглядел? Возможно, он не был бы похож на того мессию, которого я описал на закапанных маслом страницах своего летного журнала, возможно, он не сказал бы ничего из того, что написано в этой книге. И все же, как сказал мне мой мессия, мы притягиваем к нашим жизням то, что владеет нашими мыслями и, если допустить, что это верно, то это значит, что я пришел к этой самой секунде по некой определенной причине, как, впрочем, и вы. Может быть, то, что вы сейчас держите эту книгу в руках, не просто совпадение, может быть, во всех этих приключениях есть что-то такое, о чем вы можете вспомнить сами. Я

предпочитаю думать именно так. Я предпочитаю думать, что мой мессия вознесся отсюда в другое измерение, вовсе не вымышленное, что он смотрит оттуда на нас и смеется от радости, потому что все происходит именно так, как мы этого хотим.

Ричард Бах.

1.

1. Случилось пришествие на эту планету Учителя, рожденного в святой земле Индианы, выросшего на мистических лугах к востоку от Форт Уэйна.

2. Учитель познавал этот мир в публичных школах Индианы, а повзрослев – в авторемонтных мастерских, где он работал механиком.

3. Но Учитель обладал знаниями и из других краев, из других школ и из других жизней, прожитых им. Он вспоминал их и, вспомнив, стал столь мудрым и сильным, что другие увидели эту силу и пришли к нему за советами.

4. Учитель верил в то, что в его власти помочь себе и всему человечеству, а поскольку он в это верил, то так оно и было для него, и другие видели его могущество и приходили к нему, чтобы исцелиться от своих бед и множества болезней.

5. Учитель верил в то, что каждый человек во благо свое должен считать себя сыном Бога, а поскольку он в это верил, то так оно и было, и авторемонтные мастерские и гаражи, где он работал, стали заполняться толпами людей, разделявших его учение и жаждавших его прикосновения. Улицы снаружи были запружены теми, кто ждал, чтобы лишь тень его упала на них, и изменила бы всю их жизнь.

6. Все это пришло к концу, поскольку некоторые начальники его и управляющие гаражами вынуждали его уходить с работы, потому что столь тесно окружали его толпы, что ни Учителю, ни остальным автомеханикам не оставалось места для ремонта автомобилей.

7. И поэтому он пошел по стране, а люди, следовавшие за ним, называли его мессией и чудотворцем, а так как они в это верили, то так оно и было.

8. Если в то время, когда он говорил, разражалась буря, ни единая капля дождя не падала на головы слушавших его. Гремел ли гром, падала ли с неба молния, всегда последний в толпе слышал его так же ясно, как и первый. И всегда говорил он притчами.

9. Он говорил им: «В каждом из нас заключена власть выбрать для себя здоровье или болезнь, богатство или бедность, свободу или рабство. Только мы сами распоряжаемся этим, и никто другой».

10. И мельник сказал ему: «Вам легко говорить, Учитель, ведь, в отличие от нас, вас направляют свыше, и вам нет нужды трудиться, как

трудимся мы. Человек должен работать, чтобы прожить в этом мире».

11. Учитель отвечал ему так: «Некогда на дне огромной хрустальной реки жили некие существа, там была деревня.

12. Течение реки беззвучно несло над всеми ними, молодыми и старыми, богатыми и бедными, хорошими и плохими. Поток несся своим путем, зная лишь свое хрустальное русло.

13. Каждое из этих существ по-своему цеплялось за кусты и камни на дне реки, с рождения своего учились они сопротивляться потоку, поскольку это был единственный известный им образ жизни.

14. Но одно из существ, в конце концов, сказало: «Я устал цепляться за дно. Хотя я и не могу видеть это собственными глазами, но я все же верю в то, что поток знает, куда он течет. Я оттолкнусь от дна, и пусть он несет меня туда, куда принесет. Цепляясь за дно, я умру от скуки».

15. Остальные существа засмеялись и сказали: «Глупец! Оттолкнись от дна, и поток, который ты так почитаешь, разобьет тебя о скалы, и ты умрешь быстрее, чем от скуки!»

16. Но ему не было до них дела, он сделал глубокий вдох, оттолкнулся от дна, и течение понесло его на скалы.

17. И все-таки, так как это существо не стало опять хвататься за камни и кусты, поток поднял его над дном и больше не бил о скалы.

18. А существа, которые жили ниже по течению и не знали его, вскричали: «Смотрите, чудо! Такое же существо, как мы, а летит! Смотрите, вот мессия, который пришел, чтобы спасти нас всех!»

19. Но тот, несомый потоком, сказал: «Я мессия не больше, чем вы. Река только ждет, чтобы поднять нас, если мы осмелимся оттолкнуться от дна. Наша единственная цель, это путешествие, это приключение».

20. Но они, продолжая держаться за камни, кричали: «Спаситель!», – и когда опять посмотрели вверх, его уже не было, и они снова остались одни и принялись слагать легенды о Спасителе».

21. Но все это пришло к концу, когда он увидел, что толпа вокруг него день ото дня становится все больше, плотнее, все ближе к нему, все беспокойнее. Когда он увидел, что люди заставляют его без конца исцелять их, кормить чудесами, учить жить их жизнями. В один прекрасный день он в одиночестве взошел на вершину холма и стал там молиться.

22. И в сердце своем сказал он: «Безграничная и лучезарная Суть, если будет на то твоя воля, позволь мне не пить до конца эту чашу, позволь мне оставить это непосильное дело. Я не могу жить жизнью другой души, а десять тысяч душ только этого и требуют от меня. Я жалею о том, что позволил случиться всему этому. Если будет на то твоя воля, позволь мне

вернуться к моим моторам и инструментам и жить, как другие люди.

23. И, стоя на вершине холма, услышал он голос, ни мужской, ни женский, ни громкий, ни тихий, но голос определенно добрый. И этот голос сказал ему: «Не моя, но твоя исполнена воля, потому что твоя воля является для тебя моей. Иди своим путем, как другие люди, и будь счастлив на земле».

24. И Учитель был счастлив, услышав это, и он воздал хвалу голосу и спустился с холма, напевая песенку автомеханика. И когда толпа окружила его, своими воплями требуя исцелений, поучений и бесконечных чудес, он улыбнулся и радостно произнес: «Я ухожу».

25. На мгновение толпа онемела от изумления.

26. И он сказал им: «Если человек скажет Богу, что больше всего на свете, любой ценой, он хочет помочь страдающему миру, и Бог ответит ему и скажет, что делать, следует ли человеку поступать так, как ему укажет Бог?».

27. «Конечно, Учитель! – вскричала толпа. – С радостью должен он выстрадать все муки ада, если Бог прикажет ему!».

28. «Какими ни были бы пытки, каким трудным бы ни оказался приказ?»

29. «Честь быть повешенным, слава быть распятым на дереве и сожженным, если того захочет Бог», – сказали они.

30. «А что бы стали делать, – сказал Учитель толпе, – если бы Бог предстал перед вами и сказал: „Я приказываю вам всем всю свою жизнь быть счастливыми в этом мире“. Что бы вы стали делать?».

31. И смолкла толпа. Не было слышно ни единого голоса, ни единого звука там, где стояли они, на холмах и на их склонах.

32. И в тишине сказал Учитель: «В пути к нашему счастью найдем мы знания, ради которых выбрали мы эту жизнь. Так случилось, что сегодня я понял это, и я покидаю вас, чтобы вы шли своими дорогами, которые должны выбрать сами».

33. И он прошел сквозь толпу и оставил их, и вернулся в повседневный мир людей и машин.

2.

Я познакомился с Дональдом Шимодой примерно в середине лета. За четыре года полетов я еще ни разу не встречал ни одного пилота, который занимался бы тем же, чем и я: перелетами из города в город на старинном биплане и катанием пассажиров по три доллара за десять минут в воздухе.

Но однажды, пролетая к северу от Ферриса, штат Иллинойс, я взглянул вниз из кабины моего «Флита» и увидел выкрашенный в белый и золотой цвета «Трэвел Эйр 4000», преспокойно стоящий посередине изумрудно-зеленого поля.

Я живу свободной жизнью, но все равно иногда становится одиноко. Я увидел внизу этот биплан и после секундного размышления решил, что не будет ничего плохого, если я приземлюсь рядом. Газ на минимум, руль высоты на пикирование, и мой «Флит» устремился к земле. Ветер свистел в расчалках (а это приятный звук), старый мотор стучал, вращая пропеллер. Очки на лоб, чтобы лучше видеть посадочную полосу. Зеленые кукурузные джунгли, крохотная изгородь, а за ней, насколько я мог видеть, простиралось только что убранное поле. Руль высоты в горизонтальное положение, небольшой круг над полем, и вот трава уже бьет по колесам, вот знакомое подрагивание коснувшегося земли заднего колеса, торможение, и, наконец, я подруливаю к этому самолету и останавливаюсь. Газ убран, зажигание выключено, пропеллер, сделал несколько оборотов, замирает в тишине июльского дня.

Пилот «Трэвел Эйр» сидел на траве и наблюдал за мной, опершись спиной о колесо своего самолета.

С полминуты я молча смотрел на него, удивляясь его загадочному спокойствию. Если бы какой-то самолет приземлился и остановился в десяти ярдах от меня, навряд ли я оставался таким хладнокровным. Я кивнул ему. Не знаю почему, но он мне понравился.

– Ты выглядел одиноким, – сказал я.

– Ты тоже.

– Мне не хотелось бы тебе мешать. Если на этом поле я лишний, я могу полететь дальше.

– Нет, я ждал тебя.

В ответ на это он улыбнулся.

– Извини, я опоздал.

– Ничего.

Я снял шлем и очки, выбрался из кабины и выпрыгнул на землю. После пары часов полета на «Флите» было приятно размять ноги.

– Надеюсь, ты не возражаешь против ветчины с сыром? – спросил он.

Ветчина с сыром и, возможно, с муравьями. Ни рукопожатия, ни представления.

Он выглядел крупным мужчиной. Волосы до плеч чернее резины колеса, на которое он опирался. Глаза темные, как у сокола. Такие глаза мне нравятся у друга, но если они принадлежат кому-нибудь другому, то их взгляд вызывает во мне чувство неловкости. Он смахивал чем-то на сансэя карате.

Я взял у него бутерброд и воду в крышке от термоса.

– А все-таки, кто ты? – спросил я. – Я уже несколько лет катаю пассажиров, но ни разу не видел никого в этом бизнесе.

– Я занимаюсь примерно тем же, – довольно радостным голосом ответил он. – Плюс кое-какой ремонт, пайка. Иногда вожусь с тракторами. Если я слишком долго задерживаюсь на одном месте, у меня порой возникают трудности. Вот я и собрал самолет. Тоже катаю людей.

– А с какими тракторами ты имел дело? – я с детства ходил с ума по дизелям.

– Д-8, Д-9. Я занимался этим недолго, в Огайо.

– Д-9! Огромный, как дом! Двойной нижний привод! Да им можно хоть гору свернуть!

– Для того чтобы сдвинуть гору, существуют способы получше, – сказал он с улыбкой, длившейся, может быть, десятую долю секунды.

Некоторое время я стоял, облокотившись о нижнее крыло его самолета, и наблюдал за ним. Игра света... Вблизи на него было трудно смотреть. Создавалось впечатление, что вокруг его головы светился серебристый ореол.

– Что-нибудь не так? – поинтересовался он.

– А что у тебя за трудности?

– О, ничего особенного. Просто охота к перемене мест, как и у тебя.

Я взял еще один бутерброд и прошелся вокруг его самолета. Это была машина выпуска 1928-1929 года, только совершенно новая. Заводы не делают таких новых самолетов, как этот. По крайней мере, двадцать слоев полированной аэролаком обшивки, натянутой на деревянный каркас, сверкали как зеркало. На листе английского золота под кабиной было написано имя «Дон», а на планшете с картами я прочитал: «Д.У.Шимода». Приборы выглядели идеально новыми, как будто только что из упаковки. Оригинальные приборы 1928 года. Ручка управления из лакированного

дуба, рукоятка газа, смеситель, и даже искрогаситель слева. Сейчас больше нигде не встретишь искрогаситель, даже на идеально отреставрированных старых машинах. Нигде ни царапинки, ни пятнышка, ни единого следа от масла на обшивке. Такое впечатление, что эта машина вообще ни разу не летала, что она материализовалась на этом поле сквозь полувековой виток времени. Я почувствовал, как у меня по шее побежали холодные мурашки.

– Ты давно на нем летаешь? – спросил я, стоя за его самолетом.

– Около месяца, недель пять.

Он говорил неправду. Пять недель в полях и, кем бы вы ни были, на самолете останутся пятна от грязи и масла, а в кабине будут стебельки травы, от этого никуда не деться. Но эта машина... Ни масла на ветровом стекле, ни зеленых травяных пятен на передних кромках крыльев и хвоста, ни раздавленных жуков на пропеллере. Таких самолетов, летающих летом в Иллинойсе, не бывает. Я исследовал «Трэвел Эйр» еще минут пять, потом вернулся и сел на траву под крылом лицом к пилоту. Мне не было страшно, мне нравился этот парень, но что-то тут было не так.

– Почему ты не говоришь мне правду?

– Я сказал тебе правду, Ричард, – ответил он. На моем самолете тоже написано мое имя.

– Невозможно летать на «Трэвел Эйр» так, чтобы на нем не осталось хотя бы немножко масла, дружок, немножко пыли. Хотя бы немного травы на полу. Боже, ну хотя бы одной царапины на обшивке!

Он спокойно улыбнулся в ответ:

Думаю, что люди не могли летать так долго не потому, что они считали это невозможным, а просто-напросто потому, что они не знали первого принципа аэродинамики. Мне хочется верить в то, что где-то есть другой принцип: для того, чтобы летать, нам не нужны самолеты, нам не нужны машины, чтобы проходить сквозь стены или добираться до других планет. Мы можем сами научиться этому, если захотим.

Он улыбнулся и кивнул:

– И ты думаешь, что научишься всему этому, продавая по полям полеты по три доллара за десять минут?

– Единственные знания, которые для меня что-то значат, это те, что я получил сам, делая то, что я делаю. На земле нет человека, который мог бы научить меня большему, чем мой самолет и небо, но если бы он и существовал, я бы тотчас отправился искать его. Или ее.

Темные глаза спокойно смотрели на меня.

– Если ты действительно хочешь научиться всему этому, то не кажется ли тебе, что тебя кто-то или что-то направляет?

– Конечно, направляет. Да и всех остальных тоже, разве не так? У меня всегда было такое чувство, что за мной кто-то наблюдает.

– И ты думаешь, что тебя за ручку приведут к учителю, который сможет помочь тебе?

– Да, если я сам себе не учитель!

– Может быть, так оно и случится, – сказал он.

Новенький пикап, подняв тучу пыли, съехал с дороги и остановился у поля. Открылась дверца, и из автомобиля вышли старик и девочка лет десяти. В воздухе висела коричневая пыль, ветра не было.

– Катаете пассажиров, верно? – спросил старик.

Поле открыл первым Дональд Шимода, поэтому я молчал.

– Да, сэр, – бойко ответил он. – Не хотите ли полетать?

– А если и захочу, то вы, поди, начнете петли крутить, да вверх тормашками меня переворачивать? – его глаза хитро блестели, он ждал, как мы отнесемся к его сельскому выговору.

– Захотите – будем, не захотите – не будем.

– А стоит это удовольствие, поди, уйму денег?

– Три доллара за десять минут, сэр. Это будет тридцать три и одна треть цента за минуту в воздухе, и, как говорит большинство, дело того стоит.

Было довольно странно сидеть и смотреть, как работает этот парень. Я уже давно привык к своему методу рекламы: «Гарантирую, что наверху на десять градусов холоднее, мистер! Побывайте там, где летают только птицы и ангелы! И это, всего лишь, за три доллара. Двадцать двадцатицентовых монет не так уж облегчат ваш карман!» Я забыл, что может быть и другой метод.

Одному заниматься подобным делом довольно напряженно. Я к этому привык, но все-таки, если клиентов нет, ты остаешься без обеда. Сейчас, когда я мог не зависеть от сегодняшнего дохода, я расслабился и стал наблюдать.

Девочка, блондинка с карими глазами и грустным лицом, подошла и тоже с любопытством смотрела на нас. Она была здесь явно только из-за деда. Она не хотела лететь.

Обычно все бывает наоборот: восторженные дети и подозрительные родители, но когда зарабатываешь себе на хлеб подобным образом, начинаешь понимать людей по-другому. Я знал: эта девочка не полетит с нами ни за что, даже если мы будем упрашивать ее все лето.

– Кто из вас, джентльмены? – спросил старик.

Шимода налил себе чашку воды.

– С вами полетит Ричард. Я еще не закончил свой завтрак. Или вам придется подождать.

– Нет, сэр, я готов. А мы сможем пролететь над моей фермой?

– Конечно, – ответил я, – только укажите направление, сэр.

Я выгрузил из передней кабины «Флита» свой спальный мешок, чехол с инструментами и посуду и помог старику забраться в кабину. Затем сел на заднее сидение и пристегнулся ремнями.

– Ты не крутанешь пропеллер, Дон?

– Угу, – он встал, держа чашку в руке, и подошел к моему самолету, – что нужно делать?

– Толкни его, но только осторожно. Импульс сам закрутит его дальше.

Каждый раз, когда пропеллер «Флита» толкает кто-то другой, они делают это слишком сильно, и, по всевозможным довольно сложным причинам, двигатель не заводится. Но этот парень толкнул его так медленно, как будто он занимался этим всю жизнь. Импульс провернул пропеллер, раздался треск, в цилиндр пошла искра, и старый мотор прекрасно завелся. Дон вернулся к своему самолету, присел на корточки и стал разговаривать с девочкой.

Лошадиные силы погнали мой «Флит» вперед, вокруг заметались стебельки травы, и вот мы взлетели. Мы поднялись на сто футов (если мотор остановится, мы приземлимся в кукурузе), на пятьсот футов (теперь мы сможем вернуться и сесть на поле), на восемьсот футов, разворот, выравнивание, и мы полетели на юго-восток, туда, куда мой пассажир показывал пальцем.

Минуты через три мы облетели его ферму, амбары цвета горящего угля, дом цвета слоновой кости, стоящий в изумрудной траве. На заднем дворе был огород – кукуруза, салат, лук, помидоры.

Старик в передней кабине смотрел вниз на свою ферму, видневшуюся между крыльями и расчалками «Флита».

На порог дома вышла женщина в белом переднике, надетом на голубое платье, и помахала рукой. Старик помахал ей в ответ. Потом они будут говорить о том, как хорошо они видели друг друга сквозь небо.

Наконец, он повернулся и кивнул мне: «Достаточно», – и мы повернули назад.

Я покружил над Феррисом, чтобы люди узнали, что над их городом происходят полеты, и стал опускаться по спирали к нашему полю, показывая, где нас можно найти. Заходя на посадку, я увидел, как «Трэвел Эйр» оторвался от земли и развернулся по направлению к ферме, над которой мы только что побывали.

Когда-то я летал в цирке вместе с другими пятью самолетами, и на секунду мной овладело беспокойство... Одна машина с пассажиром взлетает, в то время как другая садится. Мы мягко коснулись земли, и я вырулил к дальнему концу поля, поближе к дороге.

Двигатель остановился, старик отстегнул ремни, и я помог ему выбраться из кабины и сойти на землю. Он достал из брюк бумажник, отсчитал три доллара и одобрительно покачал головой:

– Отличный полет, сынок.

– Я думаю! Мы продаем хороший товар.

– Вот твой приятель, так он уж действительно продает!

– О?

– Да, твой приятель мог бы самому черту его хвост продать, держу пари!

– Как так?

– Девчонка, ясное дело! Уговорить полететь на самолете мою внучку Сару!

Он посмотрел на «Трэвел Эйр», далекую серебристую пылинку, кружащую над фермой. Он говорил таким голосом, каким обычно человек рассказывает о том, что у него в саду на засохшем кусте выросли цветы и зрелые яблоки.

– Эта девочка с рождения смертельно боится высоты. Вопит. Бросается в панику. Она скорее согласится засунуть голые руки в пчелиный улей, чем влезть на дерево. Она не станет подниматься по лестнице на чердак, даже если во дворе потоп разразится. Девочка любит машины, неплохо ладит с животными, но от высоты приходит в ужас. И вот, она в воздухе.

Он продолжал говорить и даже вспомнил те времена, когда некий Монмаут, работавший, как и мы, на биплане, вытворял в воздухе сумасшедшие штучки.

В это время я смотрел, как «Трэвел Эйр» приближался, рос и, наконец, начал спускаться, причем круче, чем следовало бы, учитывая тот факт, что в его кабине сидела девочка, боявшаяся высоты. Самолет пролетел над кукурузой, изгородью и аккуратно сел на три точки. Судя по тому, как Дональд Шимода умел сажать свой «Трэвел Эйр», можно было догадаться, что он летает уже давно.

Самолет подкатил к нам и остановился. Я подошел поближе. На пропеллере жуков не было. Эта восьмифутовая бритва не тронула ни единой мухи.

Я взобрался на крыло, расстегнул у девочки ремень, открыл

маленькую дверцу передней кабины и показал ей, как нужно сойти, чтобы не повредить обшивку крыла.

– Ну, как тебе понравилось? – спросил я.

Она меня не слышала.

– Деда, я не боюсь! Честно, мне не было страшно. Дом был похож на игрушечный, мама помахала мне рукой, а Дон сказал мне, что я боялась потому, что когда-то упала и умерла, а теперь мне бояться больше нечего. Деда, я хочу стать летчицей. Я хочу самолет, и тогда я сама буду ухаживать за мотором и везде летать и возить людей! Можно?

Шимода улыбался, глядя на то, как старик пожимает плечами.

– Это он сказал тебе, что ты станешь летчицей, Сара?

– Нет, я сама так решила. Ты же знаешь, я уже разбираюсь в моторах.

– Что ж, поговорим об этом с твоей мамой. А сейчас нам пора домой.

Они поблагодарили нас и заторопились к своему пикапу, оба потрясенные случившимся в поле и в небе.

Подъехали два автомобиля, потом еще один, и вот в поле выстроилась целая очередь людей, желающих увидеть Феррис с воздуха. Мы сделали один за другим по двенадцать-тринадцать полетов, я съездил на бензоколонку за горючим для «Флита». Затем пришло еще несколько пассажиров, потом еще. Перед самым закатом мы успели сделать еще по полету-другому.

Я где то видел табличку «НАСЕЛЕНИЕ 200», и, по моим подсчетам, мы обслужили всех, а кроме того еще несколько приезжих.

В суете полетов я забыл спросить у Дона о Саре и о том, что он сказал ей, выдумал ли он эту историю о ее смерти или считал ее правдой. Но, время от времени, пока пассажиры менялись местами, я внимательно осматривал его самолет. На нем не было ни пятна, ни капли масла, и, летая, он явно старался избегать жуков, которых мне приходилось оттирать с ветрового стекла каждые час-два.

Когда мы закончили полеты, небо было почти черным. Я положил в свою походную плитку сухие кукурузные стебли, бросил на них угольные брикеты и зажег огонь. Было совсем темно. Огонь отбрасывал тени от стоящих рядом самолетов на золотистую траву.

Я заглянул в свой ящик с продуктами.

– Суп, тушенку или спагетти? – спросил я Дона. – Есть еще груши и персики. Хочешь горячих персиков?

– Все равно, – мягко ответил он. – Все или ничего.

– Ты разве не проголодался? Сегодня был трудный день.

– У тебя такой выбор, что не от чего придать в восторг. Разве только

немного тушенки...

Я открыл банку с тушенкой своим ножом из спасательного комплекта офицеров Швейцарских ВВС, проделал ту же операцию со спагетти и подвесил обе банки над огнем.

Мои карманы были набиты деньгами... Это было самое приятное время за весь день. Я достал из кармана смятые банкноты и принялся считать их, даже не пытаясь разглядеть. Я насчитал сто сорок семь долларов и стал производить в уме нехитрые арифметические расчеты:

– Это будет... Это будет... Так. Четыре, и два в уме... За один день сорок девять полетов! Мы с «Флитом» выбились за сто долларов, Дон! А ты, наверное, за все двести. Ты же, как правило, возишь по двое.

– Как правило, – ответил он. – Кстати, о том учителе, которого ты ищешь...

– Никакого учителя я не ищу, я считаю деньги! – сказал я. – На это можно прожить неделю, даже если целую неделю будет идти дождь!

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ну а теперь, когда ты закончил купаться в деньгах, – сказал он, – не дашь ли ты мне немного тушенки?

3.

Массы, толпы и лавины людей обрушились на одного из них, стоящего в центре. Затем все эти люди превратились в океан, который грозил затопить его, но он, посвистывая, пошел по воде и исчез. Океан воды превратился в океан травы. Белый с золотым «Трэвел Эйр 4000» приземлился на эту траву, из кабины вылез пилот и водрузил над океаном полотно с надписью «ПОЛЕТ – 3 ДОЛЛАРА – ПОЛЕТ».

Когда я проснулся и вспомнил весь этот сон, который, почему-то, пришелся мне по душе, было уже три часа ночи. Я открыл глаза и увидел «Трэвел Эйр», стоящий в лунном свете рядом с моим «Флитом». Шимода сидел на спальном мешке, опершись спиной о левое колесо своего самолета, точено так же, как и в тот момент, когда я увидел его впервые. Не то чтобы я видел его отчетливо, нет, просто я знал, что он там.

– Эй, Ричард, – сказал он откуда-то из темноты, – ты еще не понял, что происходит?

– Что я не понял? – мрачно спросил я. Я был еще во власти воспоминаний и даже не удивился, что он не спит.

– Твой сон. Этот человек, толпы людей и самолет, – терпеливо объяснил он. – Тебе было любопытно, кто я такой, так что теперь ты знаешь. О'кей? В свое время были сенсационные истории: Дональд Шимода, тот самый, которого начали называть «Механиком-Мессией», «Американским Аватарой», тот самый, который в один прекрасный день исчез в присутствии двадцати пяти тысяч свидетелей.

Я помнил об этом. Что-то подобное я читал в газете какого-то маленького городка в штате Огайо, причем обратил внимание на это лишь потому, что новости эти напечатаны были на первой странице.

– Дональд Шимода?

– К вашим услугам, – ответил он. – Теперь ты все знаешь и можешь больше не гадать, кто я такой. Ложись-ка лучше спать.

Прежде чем заснуть, я еще долго думал об этом.

– Разве так можно... Я не думал... Ты был мессией, ты должен был спасти мир, верно? Я и представить себе не мог, что мессия может повернуть на сто восемьдесят градусов и все бросить, – я сидел на верхнем кожухе мотора «Флита» и рассматривал своего странного друга. – Дон, будь добр, кинь мне ключ девять на шестнадцать.

Он порылся в ящике с инструментами и кинул мне разводной ключ.

Как и все остальные инструменты, которые он бросал мне сегодня утром, ключ плавно замедлил полет и остановился в фуге от меня, плавно и невесомо покачиваясь в воздухе. Тем не менее, как только я коснулся его, он тут же обрел в моей руке вес и стал обычным хромованадиевым авиационным гаечным ключом. Впрочем, не совсем обычным. После того, как дешевый ключ семь на восемь однажды сломался у меня в руке, я стал покупать самые лучшие инструменты, которые только можно достать за деньги. В данном случае это был «Снэп-Он» – каждый механик знает, что это необыкновенный ключ, он ценится на вес золота, его приятно держать в руках и точно известно, что он не сломается, что бы с ним ни делали.

– Конечно, можно бросить! Можно бросить все, все что угодно, если тебе это надоело. Если захочешь, ты даже можешь бросить дышать, если тебе это надоело, – ради собственного удовольствия он немного погонял по воздуху отвертку «Филипс». – Вот я и бросил быть мессией, и если тебе кажется, что своими словами я пытаюсь защищаться, то о'кей, возможно так оно и есть. Все же это лучше, чем работать на работе, которую ты ненавидишь. Хороший мессия ничего не ненавидит, он свободен идти по любому пути, который он выберет сам. Впрочем, это, конечно, справедливо и для всех остальных. Все мы дети Бога, или дети Сути, или Идеи Разума, или, если пожелаешь, нас можно назвать как-нибудь еще.

Я подтягивал гайки цилиндров мотора «Киннер». Хороший мотор, старый В-5, но эти гайки разбалтываются сами по себе примерно через каждые сто летных часов, а я не люблю этого дожидаться. И впрямь, первая же гайка, за которую я взялся, провернулась на четверть оборота, и я был рад тому, что решил проверить мотор сегодня утром, до полетов с пассажирами.

– Что ж, пожалуй ты прав, Дон, но мне кажется, что мессианство отличается от всех остальных работ. Иисус, который опять стал плотником, чтобы заработать себе на жизнь. Пожалуй, это звучит странно.

Он задумался над этим:

– Я тебя не понимаю. Странно то, что он не бросил все эти дела, когда его начали называть Спасителем. Вместо этого он пытался рассуждать логически: «О'кей, я сын Бога, но ведь мы все дети Бога. Я Спаситель, но ведь и вы тоже! То, что делаю я, можете делать и вы». Каждый, кто находится в своем уме, должен это понимать.

Мне было жарко, но усталости я не чувствовал. Чем больше мне хочется что-то сделать, тем меньше я склонен называть это работой. Я испытывал удовлетворение, от того что, наконец, отрегулировал эти цилиндры.

– Тебе больше не нужны ключи? – спросил он.

– Нет, не нужны. Я настолько духовно просвещен, что считаю все эти твои штучки просто забавой среднеразвитой души. Или, может быть, начинающего гипнотизера.

– Гипнотизера! Мой мальчик, это уже близко. Нет лучшего гипнотизера, чем мессия. Какая скучная работа! Почему я с самого начала не догадывался о том, что это будет скучная работа?

– Ты догадывался, – мудро заметил я. Он рассмеялся. – Дон, ты когда-нибудь задумывался о том, что бросить все это будет нелегко? О том, что ты не сможешь жить жизнью нормального человеческого существа?

В ответ на это он смеяться не стал.

– Ты прав, конечно, – сказал он, запустив пальцы в свои черные волосы. – Стоит мне задержаться в одном месте больше чем на день-два, как люди начинают замечать, что во мне есть что-то странное. Потрись о мой рукав, и ты излечишься от последней стадии рака. И вот, не проходит и недели, как вокруг меня снова толпы народа. Самолет помогает мне передвигаться быстро, никто не знает, откуда я прилетел, никто не знает, где я буду завтра, и это мне прекрасно подходит.

– Тебе будет труднее, чем ты думаешь, Дон.

– О?

– Общее направление движения нашего времени – от материального к духовному... Медленное, но верное движение. Я не думаю, что мир так просто оставит тебя в покое.

– Я им не нужен, им нужны чудеса! А чудесам я могу научить любого. Пусть он и будет мессией. Не такая уж это и скучная работа. А кроме того, «нет проблемы настолько серьезной, чтобы от нее нельзя было убежать».

Я соскользнул с кожуха мотора в траву и стал подтягивать гайки на третьем и четвертом цилиндрах. Не все, но некоторые из них были разболтаны.

– Ты, случайно, не Снуци цитируешь?

– Спасибо. Я всегда цитирую истину, где бы я ее ни нашел.

– Тебе не удастся убежать, Дон! А что если я прямо сейчас начну тебе поклоняться? Что если мне надоест заниматься мотором, и я стану просить тебя, чтобы ты его вылечил? Слушай, я отдам тебе все деньги, которые заработаю сегодня до заката, если ты научишь меня, как висеть в воздухе! Если ты этого не сделаешь, я стану на тебя молиться: «О, Святой, Посланный Мне, Чтобы Помочь Мне Нести Мою Ношу!».

В ответ на это он улыбнулся. Я до сих пор думаю, что он так и не понял, что ему не удастся никуда убежать. Впрочем, как я мог это знать,

если он и сам не знал этого?

– У тебя было такое же шоу, как в индийских фильмах? Толпы на улицах и миллиарды протянутых к тебе рук, цветы и благовония, золотые платформы с серебряными гобеленами, с которых ты проповедовал?

– Нет, еще перед тем, как я начал эту работу, я знал, что всего этого мне не выдержать. Поэтому я и выбрал Соединенные Штаты. Просто вокруг меня собирались толпы.

Ему было больно вспоминать обо всем этом, и я пожалел, что начал этот разговор.

– Я хотел сказать: «Ради Бога, если вам так нужны свобода и радость, неужели вы не видите, что они в вас самих? Скажите себе, что они у вас есть, и они ваши! Ведите себя так, как будто они ваши, и они у вас будут!». Ричард, ну что в этом, черт возьми, такого уж сложного? Но большинство из них и не пыталось меня слушать. Чудеса! Они ходили ко мне, чтобы посмотреть на чудеса, как другие ходят на автогонки, чтобы увидеть катастрофы. Сначала это огорчает, потом становится скучным. Я не знаю, как это выдерживают другие мессии.

– Ты так рассказываешь, что все это теряет свою прелесть, – сказал я, затянул последнюю гайку и убрал инструменты. – Куда мы летим сегодня?

Он подошел к моей кабине и, вместо того, чтобы стереть разбитых о ветровое стекло жуков, провел над ними рукой, и мертвые насекомые тут же ожили и улетели. Ветровое стекло его самолета, конечно же, всегда оставалось чистым, а мотор не нуждался в уходе.

– Я не знаю, – сказал он, – я не знаю, куда мы полетим.

– Как так? Ты знаешь все прошлое и все будущее. Ты должен точно знать, куда мы полетим сегодня!

Он вздохнул:

– Да, но я стараюсь об этом не думать.

Пока я работал с цилиндрами, я радовался: «О, все, что мне теперь нужно, это держаться этого парня, и все будет замечательно». Но то, как он произнес «я стараюсь об этом не думать», заставило меня вспомнить о том, что случилось с другими мессиями, посланными в этот мир. Здравый смысл советовал мне после взлета повернуть на юг и убраться от этого человека подальше. Но, как я уж говорил, иногда становится одиноко летать вот так, одному, и я был рад, что у меня есть собеседник, который может отличить элерон от руля высоты.

Я мог бы повернуть на юг, и, тем не менее, после взлета я остался с ним, и мы полетели на северо-восток, в будущее, о котором он так старался не думать.

4.

– Где ты всему этому научился, Дон? Ты так много знаешь, или, может быть, мне просто кажется, что ты действительно знаешь. Нет. Ты и впрямь знаешь все обо всем. Это все дело практики? А тебя, часом, не обучали на Учителя?

– Выдается книга.

Я повесил только что выстиранный шелковый шарф на расчалки и устался на него.

– Книга?

– Да. Справочник спасителя. Это что-то вроде Библии для учителей. Если тебе интересно, у меня где-то тут завалялся экземпляр.

– Да, да! Это что, обычная книга, в которой написано...

Он порылся в багажном отсеке «Трэвел Эйр» и достал небольшой томик в замшевой обложке:

«РУКОВОДСТВО ДЛЯ МЕСИИ.

НАПОМИНАНИЯ ПРОСВЕЩЕННОЙ ДУШЕ».

– Ты же говорил «Справочник спасителя», а тут написано «Руководство для мессии».

– Что-то в этом духе, – он начал собирать вещи, лежавшие вокруг его самолета, как будто решил, что настало время улетать.

Я полистал книгу. Это был сборник афоризмов и изречений.

Перспектива —

Используй Это или забудь об Этом.

Если вы открыли эту страницу, вы начинаете забывать о том,

Что то, что происходит вокруг вас,

Реальностью не является.

Подумайте об этом.

Вспомните, откуда вы пришли, куда идете, и почему вы создали

Эту ситуацию, в которую поместили самого себя в первом лице.

Помните, вы умрете страшной смертью,

Для вас это будет полезной тренировкой, и она понравится вам больше,

Если вы будете об этом помнить.

Тем не менее, относитесь к своей смерти

С некоторой серьезностью.

*Смех на пути к казни обычно не всегда понятен
Менее просвещенным жизненным формам,
И они назовут вас сумасшедшим.*

– Дон, ты читал это, о потере перспективы?

– Нет.

– Тут написано, что тебе придется умереть ужасной смертью.

– Не обязательно. Все зависит от обстоятельств и от того, как тебе захочется все устроить.

– А ты собираешься умереть страшной смертью?

– Я не знаю. Это не так уж важно, ведь я закончил работу и уже больше не мессия, верно. Я полагаю, что небольшого спокойного вознесения будет вполне достаточно. Я решу это через несколько недель, когда закончу дело, ради которого я здесь.

Откуда я мог знать, что о нескольких неделях он говорил серьезно?

Я вернулся к книге. Это действительно были знания, необходимые Учителю.

Учение

Это узнавание того,

Что вы уже знаете.

Действие

Это демонстрация того, что вы знаете это.

Преподавание

Это напоминание другим о том,

Что они знают также хорошо, как и вы сами.

Все вы ученики, творцы и учителя.

Ваша единственная цель

В любой из ваших жизней

Это быть верным самому себе.

Быть верным кому бы то ни было или чему бы то ни было

Это не только невозможно,

Это еще и отличительная черта фальшивого мессии.

Самые простые вопросы

Одновременно являются самыми важными.

Где вы родились? Где ваш дом?

Куда вы идете?

Что вы делаете?

Время от времени думайте над этим,

*И вы увидите,
Как ваши ответы будут изменяться.
Учить
Проще всего тому,
Чему вам самим важнее всего научиться.*

– Что-то ты там притих, Ричард, – сказал Шимода, как будто ему захотелось со мной поговорить.

– Да, – ответил я, продолжая читать. Если это действительно была книга для Учителей, мне не хотелось выпускать ее из рук.

*Живите так,
Чтобы вам никогда не было стыдно,
Если что-нибудь из того, что вы сделали и сказали, будет
опубликовано
по всему миру,
даже если то, что будет опубликовано,
окажется неправдой.
Ваши друзья
Лучше узнают вас
В первую минуту знакомства,
Чем ваши знакомые
Узнают вас за тысячу лет.
Лучший способ
избежать ответственности
Это заявить: «Я ответственен».*

Я обнаружил в книге некоторую странность.

– Дон, страницы не пронумерованы?

– Нет, – сказал он, – ее просто нужно открыть, и перед тобой окажется то, что для тебя в данный момент важнее всего.

– Волшебная книга!

– Нет, так можно поступать с любой книгой. Так можно поступать даже со старыми газетами, если только читать достаточно внимательно. Ты пробовал так делать – когда перед тобой стоит какая-то проблема, взять первую попавшуюся книгу и посмотреть, что она тебе скажет?

– Нет.

– Что ж, попробуй как-нибудь.

Я попробовал. Я закрыл глаза и стал думать о том, что со мной может

случиться, если я надолго останусь с этим странным человеком. С ним было весело, но я никак не мог отделаться от чувства, что скоро с ним произойдет что-то совсем не смешное, а мне бы не хотелось при этом присутствовать. Думая обо всем этом, я взял книгу, открыл ее наугад и прочитал:

*Вас
Сквозь вашу жизнь ведет
Ваше внутреннее постоянно обучающееся творение,
Игривое духовное сознание,
Ваша истинная суть.
Не пренебрегайте
Возможными вариантами будущего,
Пока вы не будете уверены в том,
Что вам нечему в них научиться.
Вы всегда свободны передумать
И выбрать
Иное будущее или прошлое.*

– Выбрать иное прошлое? Буквально или в переносном смысле, что бы это значило? Дон, у меня, кажется, ум за разум заходит. Я не знаю, как смогу всему этому научиться.

– Практика. Немножко теории и побольше практики, – ответил он, – это займет у тебя недели полторы.

– Недели полторы!

– Да. Поверь в то, что тебе известны все ответы, и ты будешь знать все ответы. Верь в то, что ты Учитель, и ты им станешь.

– Я никогда не говорил, что хочу стать Учителем.

– Верно, – сказал он, – не говорил.

Но я оставил книгу у себя, а он ни разу не попросил вернуть ее.

5.

Фермерам Среднего Запада для процветания нужны хорошие поля. Нам, пилотам-бродяжкам, тоже. Нам нужно быть поближе к потенциальным клиентам, и для этого требуется поле не дальше, чем в квартале от черты города. Нам нужно ровное поле со скошенной травой, поблизости не должно быть коров, так как они могут сжевать обшивку самолета; рядом с полем должно пролегать шоссе, в изгороди необходима калитка для прохода на поле. Дома вокруг поля нежелательны – их обитатели могут быть потревожены шумом низко летящих самолетов. Поле непременно должно быть ровным, чтобы машины не развалились на кусочки при посадке со скоростью пятьдесят миль в час, и достаточно длинным. И, наконец, требуется разрешение от фермера.

Я размышлял обо всем этом субботним утром, пока мы летели на север. В тысяче футов под нами проплывали зелено-золотистые поля. «Трэвел Эйр» Дональда Шимоды летел справа от меня, отбрасывая во все стороны солнечные зайчики. Красивый самолет, подумал я, но слишком большой для нашей работы. Он берет одновременно двух пассажиров, но он и весит в два раза больше, чем «Флит», и для взлета и посадки ему нужно в два раза больше места. Когда-то и у меня был «Трэвел Эйр», но я, в конце концов, поменял его на «Флит», способный садиться на крохотные лужайки, которых обычно много рядом с городами. Я мог работать на «Флите» на пятисотфутовом поле, в то время как «Трэвел Эйр» нуждался в поле длиной в тысячу – тысячу триста футов. Ты свяжешься с этим парнем, думал я, и ты свяжешь себя ограниченностью его самолета.

И, разумеется, как только я это подумал, так тут же увидел внизу рядом с городом маленький уютный выгон. Это было стандартное поле длиной в тысячу триста двадцать футов, наполовину скошенное. Вторая его половина была отдана городу под бейсбольную площадку.

Зная, что самолет Шимоды не сможет здесь приземлиться, я бросил свою машину через левое крыло, поднял нос, убрал обороты двигателя и стал спокойно снижаться. Мы коснулись земли прямо за изгородью и остановились примерно посередине поля. Я просто хотел немного попускать пыль в глаза, показать, на что способен «Флит» с хорошим пилотом.

Остановившись, я тотчас же прибавил обороты, намереваясь взлететь опять, но, развернувшись, я увидел заходящий на посадку «Трэвел Эйр».

Его хвост был опущен, правое крыло чуть приподнято. Он был похож на великолепного грациозного кондора, собирающегося сесть на ветку дерева.

Он летел так низко, так медленно, что у меня волосы встали дыбом. Посадочная скорость у «Трэвел Эйр» не меньше шестидесяти миль в час, на пятидесяти он просто сваливается в штопор. Я же собственными глазами наблюдал за тем, как белый с золотым биплан, вместо того чтобы упасть, застыл в воздухе. То есть, не то, чтобы он совсем повис, он летел, но не быстрее, чем со скоростью тридцать миль в час. Самолет, сваливающийся в штопор при пятидесяти, напоминаю я вам. Он повис в воздухе и аккуратно приземлился на три точки. Ему потребовалась половина, ну, может быть, три четверти посадочной площади «Флита».

Я сидел в кабине и смотрел, как он подрулил ко мне и выключил мотор. Когда я, продолжая тупо смотреть на него, выключил свой, он крикнул:

– Ты нашел отличное поле! Достаточно близко к городу, верно?

Появились первые клиенты. Двое мальчишек приехали на мотоцикле «Хонда», чтобы посмотреть, что здесь происходит.

– Что значит, близко к городу? – заорал я сквозь шум мотора, еще звеневший в моих ушах.

– В половине квартала.

– Я не об этом. КАК ТЫ СЕЛ? НА «ТРЕВЕЛ ЭЙР»? Как ты сел здесь?

Он подмигнул мне:

– Волшебство!

– Нет, Дон, правда... Я же видел, как ты садился!

Он мог видеть, что я потрясен и даже немало испуган

– Ричард, ты хочешь знать, как гонять по воздуху гаечные ключи, лечить любые болезни, превращать воду в вино, ходить по воде и сажать «Трэвел Эйр» на стофутовые поляны? Ты хочешь знать объяснение всем этим чудесам?

У меня было такое чувство, что он направил на меня лазерный пистолет.

– Я хочу знать, как ты здесь сел...

– Слушай! – перебил он меня. – Этот мир, и все в нем? Иллюзии, Ричард. Каждая его частица это *иллюзия!* Ты можешь это понять?

Он не подмигивал и не смеялся. Было похоже, что он вдруг рассердился на меня за то, что я не знал всего этого с самого начала.

– Да, – все, что я смог придумать в ответ. – Принято. Иллюзии.

Ребята уже садились в его самолет, и мне не оставалось ничего другого, как найти владельца поля и попросить разрешения использовать

его выгон в качестве временного аэродрома.

Единственно, как можно описать взлеты и посадки, которые совершал в тот день «Трэвел Эйр», это сказать, что на самом деле это был «Е-2 Каб» или вертолет, переодетый в костюм «Трэвел Эйр». Почему-то мне было легче поверить в плавающие по воздуху гаечные ключи, чем спокойно наблюдать, как этот самолет с пассажирами на борту взлетает со скоростью тридцать миль в час. Одно дело верить в левитацию, когда сам ее видишь, но окончательно поверить в чудеса, это совсем другое.

Я продолжал размышлять о том, что он так яростно говорил мне. Иллюзии... Когда я был подростком и учился фокусам, кто-то об этом мне уже говорил... Об этом говорили *фокусники!* Они терпеливо объясняли нам: «Смотрите, то, что вы сейчас увидите, вовсе не чудо, это не настоящее волшебство. Это всего лишь эффект, иллюзия волшебства». После этого они вынимали из грецкого ореха люстру и превращали слона в теннисную ракетку.

В приступе пронизательности я достал из кармана «Руководство» и открыл его. На странице были напечатаны всего два предложения.

*Не существует
Проблем,
Не содержащих в себе дар,
Предназначенный вам.
Вы ищете проблемы,
Потому что вам нужны
Их дары.*

Не знаю почему, но, прочитав все это, я успокоился. Я перечитывал эти фразы вновь и вновь, пока не выучил их наизусть.

Городок назывался Троя, и этот выгон обещал быть для нас столь же счастливым, сколь было счастливым поле в Феррисе. Но в Феррисе я чувствовал себя спокойно, здесь же в воздухе витало какое-то напряжение, которое мне совсем не нравилось.

Полеты, которые для наших пассажиров были зачастую настоящим приключением, для меня были повседневной рутинной, к тому же омраченной этим странным беспокойством. Моим приключением был этот парень, с которым я летал, этот невероятный способ обращения с самолетом и странные объяснения этому.

Жителей Трои, впрочем, чудеса, происходящие с «Трэвел Эйр», изумляли не больше, чем меня удивил бы звон их городского колокола,

молчавшего последние шестьдесят лет... И они не знали, что видят перед собой чудо.

– Спасибо за полет, – говорили они. – Вы только так и зарабатываете себе на жизнь? Вы больше нигде не работаете?

Или:

– Почему вы выбрали такой маленький городок, как Троя?

Или:

– Джерри, твоя ферма сверху выглядит не больше обувной коробки!

У нас был тяжелый день. К нам на поле приехало множество людей, и было похоже на то, что у нас появился шанс неплохо заработать. И все же внутренний голос говорил мне: прочь, прочь отсюда! Раньше я часто не придавал ему значения и в последствии почти всегда жалел об этом.

Около трех пополудни я выключил мотор, дважды съездил на автозаправочную станцию и привез четыре пятигаллоновых канистры с бензином. И тут мне пришло в голову, что ни разу не видел, как Дон заправляет свой «Трэвел Эйр». Последний раз Шимода заливал бензин в бак определенно еще до Ферриса. И только сегодня он налетал уже часов семь-восемь, не доливая ни бензина, ни масла. И хоть я и знал, что он неплохой человек и не причинит мне зла, мне опять стало страшно. На крейсерской скорости при минимальных оборотах «Трэвел Эйр» может держаться в воздухе часов пять. Но не восемь часов постоянных взлетов и посадок!

Пока я заливал бензин в передний бак и добавлял в мотор масло, он преспокойно продолжал летать, полет за полетом. В поле стояли люди, ожидавшие своей очереди, и, похоже, он не хотел их задерживать.

Тем не менее, я улучил момент, когда он помогал супружеской паре выбраться из кабины, и подошел к нему.

– Дон, как у тебя с горючим? Бензина не надо? – я стоял у крыла его самолета с пустой канистрой в руке.

Он посмотрел мне в глаза и озадаченно нахмурился, как будто я спросил, не нужно ли ему немного воздуха, чтобы подышать.

– Нет, – сказал он, и я почувствовал себя первоклассником-двоечником с «камчатки». – Нет, Ричард, мне не нужно бензина.

Это меня задело. Я кое-что смыслю в авиамоторах и горючем.

– Что ж, – вспыхнул я. – Ну, а как насчет урана?

Он расхохотался, и это тотчас же меня смягчило.

– Нет, спасибо, я уже заправлялся в прошлом году.

В следующую минуту он уже опять сидел в кабине, разворачивая свой самолет для очередного сверхъестественного взлета.

Мне хотелось, чтобы все эти люди поскорее ушли отсюда, чтобы я смог спокойно улететь куда глаза глядят, найти где-нибудь большое пустое поле, сесть, подумать, написать обо всем этом в моем летном журнале и, может быть, сделать кое-какие выводы.

Пока Шимода приземлялся, я отдыхал, стоя рядом с «Флитом». Наконец, он подрулил ко мне, мотор «Трэвел Эйр» оглушительно ревел. Я подошел к его кабине.

– Сегодня я налетался, Дон. Я хочу отдохнуть где-нибудь подальше от городов. С тобой было приятно полетать. Когда-нибудь увидимся, о'кей?

– Он и глазом не моргнул.

– Еще один полет, и я составлю тебе компанию, человек давно ждет.

– Ну, хорошо.

Человек ждал, сидя в инвалидном кресле. Все его тело было искорежено, как будто вдавлено в кресло гравитацией, но он хотел лететь. Вокруг стояло человек сорок-пятьдесят, некоторые сидели в машинах, ожидая, как Дон будет сажать его в самолет вместе с креслом.

Он не обращал на них никакого внимания.

– Вы хотите лететь?

Человек в кресле вымученно улыбнулся и кивнул куда-то в сторону.

– Так давайте полетим, вперед! – сказал Дон, как будто он разговаривал с кем-то, кто давно ждал своей очереди вступить в игру, сидя на скамейке запасных.

Сейчас, по прошествии времени, я вспоминаю, что мне тогда показалось странным то напряжение, с которым он говорил. Оно было ненавязчивым, но, тем не менее, фраза прозвучала как приказ встать и идти и, во что бы то ни стало, сесть в самолет. То, что произошло дальше, было похоже на финал последнего акта спектакля, в котором этот калека только играл роль инвалида. Это было похоже на заранее отрепетированную сцену. Какая-то сила вытолкнула его из кресла, он бросился вперед, сам себе удивляясь, и почти побежал к самолету.

Я стоял совсем близко и хорошо все слышал.

– Что вы со мной сделали? – пробормотал он. – *Что вы со мной сделали?*

– Вы собираетесь лететь, или вы не собираетесь лететь? – спросил Дон. – Плата три доллара. Деньги, пожалуйста, вперед.

– Я лечу, – ответил тот. Шимода даже не помог ему забраться в кабину, как он обычно помогал другим пассажирам.

Люди, сидевшие до этого в машинах, уже стояли на поле, со всех сторон доносился неясный приглушенный ропот, затем наступила

напряженная тишина. Этот человек не ходил с тех пор, как одиннадцать лет назад он вместе со своим грузовиком упал с моста.

Как ребенок, надевающий сделанные из простыни крылья, он запрыгнул в кабину и скользнул в кресло, размахивая руками так, будто их ему дали на время поиграть.

Прежде чем кто-то успел вымолвить слово, Дон прибавил обороты, «Трэвел Эйр» поднялся в воздух и стал набирать высоту.

Может ли мгновение быть радостным, и, в то же время, ужасать? В дальнейшем таких мгновений было много. А тогда я был свидетелем чуда, которое можно было назвать только сверхъестественным исцелением человека, который, похоже, заслуживал того, и, все же, я чувствовал, что когда эти двое вернутся, случится что-то нехорошее. Люди стояли напряженной толпой и ждали. В воздухе пахло насилием.

«Трэвел Эйр» сделал несколько крутых восьмерок, узкую спираль, и вот он уже спускался над изгородью, медленно, как тарахтящая летающая тарелка. Если бы он хоть чуть-чуть подумал, он высадил бы своего пассажира в дальнем конце поля, побыстрее взлетел бы, и был таков. К полю стекались люди. Какая-то женщина почти бегом катила перед собой еще одно инвалидное кресло.

Он подрулил к толпе, развернул самолет и выключил мотор. Люди бросились к кабине, и мне на секунду показалось, что сейчас они сорвут с корпуса обшивку, чтобы схватить этих двоих.

Было ли это с моей стороны трусостью? Не знаю. Я подошел к своему самолету, включил зажигание и подтолкнул пропеллер, чтобы завести мотор. Затем я сел в кабину, развернул «Флит» против ветра и взлетел. Взглянув вниз, я увидел Дональда Шимоду, сидящего на краю своей кабины, и толпу, окружившую его.

Я повернул на восток, потом на юго-восток, и через некоторое время приземлился на огромном поле с деревьями и ручьем. Оно было далеко от городов.

6.

До сегодняшнего дня я не знаю, что на меня нашло. Это было какое-то ощущение обреченности, которое и погнало меня тогда прочь от этого странного загадочного парня Дональда Шимоды. Если передо мной встает перспектива побрататься с обреченность, то никакой мессия не может удержать меня.

В поле я почувствовал спокойствие. Передо мной простирался огромный тихий луг, надо мною сияло безбрежное небо... Единственным, доносившимся до меня звуком, было журчание ручейка. К одиночеству трудно привыкнуть, но если кто-нибудь нарушит его хотя бы на день, к нему приходится привыкать сначала.

– О'кей, хорошенького понемножку, – сказал я, обращаясь к полю. – Все это было очень мило и, возможно, я еще многому мог бы научиться у этого парня. Но я не переношу толпы, даже если она настроена миролюбиво. Если же толпу раздражить, она или распнет кого-нибудь, или начнет на него молиться. Прошу прощения, но с меня хватит!

Сказав это, я сам себя поймал на слове. Точно то же самое мог сказать и сам Шимода. Почему же он остался там? У меня ведь хватило ума убраться подобру-поздорову, а я вовсе не мессия.

Иллюзии. Что он имел в виду? Для меня это было важнее всего того, что он говорил или делал до этого. Когда он произнес эти слова, он был в гневе: «Все это иллюзии!». Он сказал это так, как будто всей своей яростной силой хотел втемящить эту мысль мне в голову. Для меня это действительно стало проблемой, и мне был нужен ее дар, но я никак не мог понять, что же это означало.

Спустя некоторое время я развел костер и сварил себе что-то вроде гуляша из остатков соевых бобов, мяса, вермишели и пары сосисок в тесте трехдневной давности. Рядом с мешком для продуктов валялся чехол с инструментами, и сам не знаю зачем, я достал разводной ключ, начисто вытер его, и стал помещивать им гуляш.

Как я уже сказал, я был совершенно один, никто не мог меня видеть, и, ради забавы, я попытался погонять его по воздуху, как это делал он. Когда я подбрасывал ключ, и он достигал верхней точки, я моргал глазами, и у меня возникало ощущение, что на долю секунды он повисал в воздухе. Но вслед за этим ключ падал в траву или мне на колени, и весь эффект пропадал. Но это был тот самый ключ... Как это у него получалось?

Если это иллюзия, мистер Шимода, то что же тогда реально? И если вся эта жизнь – иллюзия, то зачем мы тогда вообще живем? В конце концов, я сдался, подбросил ключ еще пару раз и оставил это бесполезное занятие, после чего почувствовал радость, чуть ли даже не счастье, оттого что я был там, где был, и что я знал то, что знал. Пусть даже моих знаний и не хватало на то, чтобы объяснить существование вселенной или, хотя бы, на несколько иллюзий.

Когда я один, я иногда пою. «О, мы с тобой, старина „Флит“, – пел я, с любовью похлопывая биплан по крылу (напомню, что меня никто не слышал). – Мы избородим все небо... Мы будем танцевать в полях, пока один из нас не сдастся... – музыку и слова я сочинял на ходу. – Но я первым не сдамся, старина... Пока ты не сломаешь себе крыло... И тогда я свяжу его ПРОВОЛОКОЙ... И мы полетим дальше... МЫ ПОЛЕТИМ ДАЛЬШЕ...».

Когда я счастлив, и у меня есть настроение, конца куплетам нет, поскольку о рифмах я особенно не беспокоюсь. Я перестал думать о трудностях мессии, ведь я все равно уже не мог выяснить, кто он такой, и какие у него были намерения. Я перестал даже и пытаться его понять и, думаю, был счастлив именно поэтому.

Около десяти вечера огонь начал угасать, и моя песня тоже.

– Где бы ты ни был, Дональд Шимода, – сказал я, разворачивая под крылом одеяло, – я желаю тебе счастливых полетов и поменьше толп, если ты сам себе этого желаешь. Нет, беру свои слова обратно. Я желаю, дорогой мой одинокий мессия, найти то, что ты хочешь найти.

Когда я снимал рубашку, из ее кармана выпала книга. Я прочитал ту страницу, на которой она открылась.

*Узы,
Связывающие тебя
С твоей истиной семьей,
Это узы не родства,
Но узы радости и уважения
К жизням друг друга.
Редко члены одной семьи
Растут под одной крышей.*

Я не понял, какое это имеет ко мне отношение, и решил, что впредь не должен позволять книге думать за меня. Я залез под одеяло и, долго не засыпая, лежал в тепле, как выключенная лампочка. В небе надо мной

сияли тысячи звезд, которые, наверное, были иллюзиями, но, несомненно, красивыми иллюзиями. Когда я опять открыл глаза, уже занималась заря. Розовый свет и золотые тени. Но я проснулся не из-за света, а оттого что нечто мягко коснулось моей головы. Сперва я подумал, что это травинка. Потом я решил, что это жук, но он так сильно ударился о мою руку, что я испугался, что он ее сломает. Это был ключ девять на шестнадцать, здоровенный кусок металла. Он ткнул меня слету, и я моментально проснулся. Проснувшись окончательно, я с удивлением наблюдал, как он плавно опустился на землю и, наконец, замер. Когда я поднял его, он снова был старым добрым ключом девять на шестнадцать, который я знал и любил, по-прежнему удобным в работе.

– У, дьявол!

Я никогда не чертыхаюсь – с детства к этому не приучен, но сейчас я был искренне озадачен, и эти слова сами слетели с моего языка. Что случилось с моим ключом? Дональд Шимода был где-то за горизонтом, по крайней мере, милях в шестидесяти отсюда. Я поднял эту штуку, повертел ее в руках и осмотрел со всех сторон, чувствуя себя доисторической обезьяной, которая никак не может понять, как это у нее перед глазами крутится колесо. Но ведь должно же быть этому какое-то объяснение.

В конечном итоге я сдался, положил ключ на чехол с инструментами и развел костер, чтобы испечь себе оладьи. Спешить было некуда. Если бы я захотел, я мог бы остаться здесь на целый день.

Оладьи с одной стороны уже поджарились, и их пора было переворачивать, когда я услышал в небе какой-то звук.

Этот звук никак не мог быть звуком самолета Шимоды, никто не смог бы отыскать меня на этом поле среди миллионов других полей Среднего Запада, но я знал, что это летит он. Я принялся насвистывать какой-то мотивчик, поглядывая то на оладьи, то на небо, и думая о том, чтобы такое поспокойнее ему сказать, когда он приземлится.

Это действительно был «Трэвел Эйр». Он пролетел низко над «Флитом», поднялся в пижонском развороте, скользнул вниз и приземлился на скорости шестьдесят миль в час, как и подобает добропорядочному «Трэвел Эйру». Он подрулил и выключил мотор. Я помахал ему рукой, но не сказал ни слова, продолжая насвистывать.

Он вылез из кабины и подошел к костру.

– Привет, Ричард.

– Ты опоздал, – сказал я, – мои оладьи почти сгорели.

– Извини.

Я протянул ему чашку воды из ручья, жестяную миску с половиной

оладий и немного маргарина.

– Чем кончилось дело? – спросил я.

– Все о'кей, – ответил он с мгновенной полуулыбкой. – Я таки спас свою жизнь.

– Я сомневался, что у тебя это получится.

Некоторое время он молча ел.

– Ты знаешь, – наконец сказал он, глядя в свою тарелку, – все-таки это порядочная гадость.

– А тебя никто не заставляет есть мои оладьи, – рассердился я. – Почему все их ненавидят? ПОЧЕМУ НИКТО НЕ ЛЮБИТ МОИ ОЛАДЬИ? Почему, о мой просвещенный учитель?

– Что ж, – улыбнулся он, – я скажу тебе то, что мог бы тебе сказать сейчас сам Господь Бог. Ты веришь в то, что они вкусные, и поэтому они тебе нравятся. Попробуй съесть их, отбросив свою глубокую веру в их прекрасные вкусовые качества, и они покажутся тебе чем-то вроде... пожара на мельнице после наводнения. Тебе так не кажется? А траву в них, я полагаю, ты положил специально.

– Прошу прощения, она попала туда случайно. Но разве оладьи сами по себе, не трава и не подгоревшие места, сами оладьи, разве они...

– Ужасные, – сказал он, возвращая их мне нетронутыми, кроме самой первой. – Уж лучше я останусь голодным. А персиков у тебя не осталось?

– Остались, там, в коробке.

Как он отыскал меня на этом поле? Самолет длиной двадцать восемь футов на десять тысяч миль прерий – это не такая уж простая мишень, особенно если лететь против солнца. Но я дал себе зарок не спрашивать его об этом. Если ему захочется, он скажет сам.

– Как ты меня отыскал? – спросил я его. – Ведь я мог приземлиться где угодно.

Он открыл банку и ел персики прямо с ножа. Непростой трюк.

– Одинаковых людей всегда тянет друг к другу, – пробормотал он, уронив ломтик персика.

– О?

– Космический закон.

– О.

Я доел оладьи и выскоблил сковородку песком из ручья. Все-таки это были вкусные оладьи!

– Может быть, ты, все-таки, объяснишь, как ты меня вычислил? Ты имел в виду, что наши самолеты похожи?

– Мы, чудотворцы, должны держаться вместе, – сказал он. Эта фраза,

и то, как он ее произнес, была одновременно доброй и пугающей.

– А-а...Дон...Что касается твоего последнего замечания, может быть, ты пояснишь, что значит «мы, чудотворцы»?

– Судя по ключу, лежащему на чехле, я могу предположить, что сегодня утром ты практиковался в левитации. Разве я не прав?

– Ничем я не занимался! Я проснулся... Эта штука сама меня разбудила!

– О, сама по себе, – он смеялся надо мной.

– Да. САМА ПО СЕБЕ.

– Ричард, в чудесах ты разбираешься не более чем в приготовлении оладий.

В ответ на это я промолчал, просто поудобнее растянулся на своем одеяле. Если он хотел сказать что-нибудь еще, он мог сделать это, когда ему заблагорассудится.

– Некоторые из нас начинают постигать это подсознательно. Наш просыпающийся разум отказывается принимать это, поэтому мы творим чудеса во сне, – он посмотрел на небо, на первые появившиеся облака.

– Не будь нетерпелив, Ричард. Все мы находимся на пути к знаниям. Теперь они придут к тебе немного быстрее, и ты станешь старым и мудрым духовным маэстро раньше, чем сам об этом догадаешься.

– Что значит, раньше, чем я об этом догадаюсь? Я вообще ничего не хочу об этом знать.

– Ты ничего не хочешь знать?

– Нет, я хочу знать, почему существует мир, как он устроен, почему я в нем живу, и где я буду жить потом... Это я хочу знать. Ну, скажем, как летать без помощи самолета, если мне это понадобится...

– Прошу прощения.

– За что?

– Так дело не пойдет. Если ты узнаешь, как устроен мир и как он существует, ты автоматически начнешь творить чудеса, вернее, то, что другие будут называть чудесами. Но на самом-то деле в них нет ничего чудесного. Научись тому, что умеет делать фокусник, и все волшебство пропадет, – он опустил глаза. – Ты такой же, как все. Ты уже все знаешь, просто ты это еще не осознаешь.

– Я что-то не припомню, – сказал я, – чтобы ты спрашивал у меня, хочу ли я всему этому научиться. Тому, что собирает вокруг тебя толпу, тому, что сделало всю твою жизнь несчастной. Что-то я об этом запомнил.

Как только я произнес эти слова, я подумал, что он скажет, что я

вспомню об этом позже, и что в этом он будет прав.

Он лег на траву.

– Послушай, не нужно беспокоиться о толпах. Они тебя и пальцем не тронут, пока ты сам этого не захочешь. Запомни, ты – волшебник. Бах! – и ты невидим и проходишь сквозь запертые двери.

– Но толпа в Трое тебя, все-таки, достала.

– А разве я говорил, что мне этого не хотелось? Я позволил им это сделать. Мне это понравилось. Во всех нас есть немного честолюбия, иначе мы не становились бы Учителями.

– Но разве ты все это не бросил? Я же читал...

– Судя по тому, как все это происходило, я начал превращаться в Одного-И-Единственного-Мессию-На-Полном-Рабочем-Дне, а эта работа не по мне. Но, видишь ли, я не могу разучиться тому, что узнал во всех своих предыдущих жизнях.

Я сорвал травинку и закрыл глаза.

– Послушай, Дональд, что ты пытаешься мне объяснить? Почему бы тебе прямо не сказать мне, что происходит?

После долгого молчания он сказал:

– А может быть, ты мне это скажешь? Ты будешь рассказывать мне то, что я пытаюсь тебе объяснить, а если ты ошибешься, я тебя поправлю.

С минуту я размышлял, а затем решил его удивить.

– О'кей, я тебе скажу.

Я помолчал некоторое время, чтобы посмотреть, как он будет реагировать, если мой ответ заставит себя ждать. Солнце взошло уже достаточно высоко, потеплело. Где-то на невидимом отсюда поле какой-то фермер, ранняя пташка, начал обрабатывать свое кукурузное поле трактором.

– О'кей, я тебе скажу. Во-первых, то, что я увидел тебя на поле в Феррисе, не было простым совпадением, верно?

Он лежал тихо, не говоря ни слова.

– Во-вторых, мы с тобой когда-то заключили мистический договор, о котором я забыл, а ты нет.

В мягком шелесте ветра было слышно лишь тарахтение трактора.

Что-то внутри подсказывало мне, что мои слова – не вымысел. Я говорил правду.

– Я бы сказал, что мы уже встречались три или четыре тысячи лет тому назад, может быть чуть раньше или чуть позже. Нам с тобой нравятся одни и те же приключения. Возможно, мы ненавидим одних и тех же разрушителей, учимся с одинаковой скоростью и одинаково быстро. Но у

тебя память лучше. Когда ты сказал: «Одинаковых людей всегда тянет друг к другу», – ты подразумевал под этим нашу встречу.

Я сорвал еще одну травинку.

– Ну, как у меня выходит?

– Я думал, что твоя речь затянется надолго, – сказал он. – Пожалуй, она и затянется, но, я думаю, что ты доберешься до истины. Продолжай.

– Дальше я мог бы не продолжать, потому что ты знаешь все, что знают другие. Но если бы я этого не сказал, ты бы не знал, что я, как мне кажется, знаю, а без этого я не смогу научиться тому, чему хочу, – я выбросил травинку. – Что тебе до всего этого, Дон? Почему ты так хлопчешь обо мне? Если человек так просвещен, как ты, то все эти чудеса должны для него быть не больше, чем побочным продуктом. Я тебе не нужен. В этом мире тебе вообще ничего не нужно.

Я повернулся и посмотрел на него. Он лежал с закрытыми глазами.

– Как бензин для «Трэвел Эйр»? – спросил он.

– Вот именно, – ответил я. – И поэтому в этом мире тебе все наскучило... Для тебя не существует приключений, потому что ничто на свете не может причинить тебе вреда. Единственная твоя проблема заключается в том, что у тебя нет проблем.

Я подумал о том, что у нас получается жуткий разговорчик.

– Здесь ты ошибаешься, – отозвался он. – А теперь скажи, почему я бросил работу... Ты знаешь, почему я перестал быть мессией.

– Ты говорил, что из-за толпы. Из-за того, что они ждали от тебя только чудес.

– Да, но это не главное. Толпофобия это твоя проблема, а не моя. Меня утомили не толпы сами по себе, а то, что им было наплевать на все, что я им говорил. Я мог бы пешком перейти океан из Нью-Йорка в Лондон, я мог бы делать из воздуха золотые монеты, а им все равно было бы наплевать на мои слова.

Когда он это говорил, он выглядел одиноким, как никто другой. Ему не нужны были ни пища, ни кров, ни деньги, ни слава. Он жаждал рассказать всем о том, что знал, но никто не хотел его даже выслушать.

Я нахмурился, чтобы не заплакать.

– Что ж, ты спросил, я ответил, – сказал я. – Если твое счастье зависит от того, как поступают другие, то, пожалуй, у тебя действительно есть проблемы.

Он мотнул головой, и глаза его вспыхнули, как будто я ударил его гаечным ключом. Я вдруг подумал, что с моей стороны было бы глупо сердить этого парня. Если в человека ударит молния, он обуглится очень

быстро.

Он улыбнулся своей полуулыбкой.

– Знаешь, Ричард, – медленно сказал он, – ты...Ты прав!

Он продолжал сидеть тихо, будто приходя от моих слов в транс. Не замечая этого, я продолжал говорить о том, как мы встретились, и чему нам всем нужно научиться. Все эти идеи проносились сквозь мой мозг как утренние кометы и дневные метеоры. Он очень спокойно лежал в траве, не шевелясь и не произнося ни слова. К полудню я нарисовал перед ним законченную картину моего варианта Вселенной и всех ее составных частей.

– ...И это только начало, Дон, можно еще так много сказать. Как я все это узнал? Как это вышло?

Он не отвечал.

– Если ты хочешь, чтобы я сам ответил на свой вопрос, то я должен признаться, что не знаю, как это сделать. Почему сейчас я смог рассказать тебе об этом, ведь раньше подобные вещи мне и в голову не приходили? Что со мной случилось?

Никакого ответа.

– Дон, пожалуйста, ответь мне.

Он не сказал ни слова. Я нарисовал перед ним панораму жизни, а он, мой мессия, как будто услышав в моих случайно оброненных словах о его счастье все, что он хотел, заснул крепким сном.

7.

Суббота, шесть утра, я еще сплю, и вдруг – БУМ!!! Страшный шум, внезапный и мощный, как взрыв какой-то симфонии, мгновенный многоголосый хор, слова на латыни, скрипки, литавры и трубы, способные разбудить мертвого. Земли содрогалась, «Флит» раскачивался на колесах. Я выскочил из-под одеяла как кошка, которую ударили током в четыреста вольт. Волосы на моей голове стояли дыбом, как восклицательные знаки.

В небе холодным пламенем разгорался закат, дикий узор неба казался живым, но вся эта красота меркла в сравнении с динамитом ужасного крещендо.

– ПРЕКРАТИ! ПРЕКРАТИ! ВЫКЛЮЧИ МУЗЫКУ! УБЕРИ ЭТО!

Шимода кричал так яростно, что его голос перекрывал весь этот ужасный грохот, и вдруг шум пропал, лишь только эхо продолжало катиться вдаль. Затем оно превратилось в приятную нежную песню, тихую, как ветерок, как Бетховен во сне.

Это не произвело на него никакого впечатления.

– СЛУШАЙ, Я ЖЕ СКАЗАЛ, ПРЕКРАТИ!

Музыка замерла.

– Уф! – выдохнул он.

Я уставился на него.

– Для всего на свете есть свое место и свое время, не так ли? – сказал он.

– Время и место... В каком смысле?..

– Немножко небесной музыки в уединении собственного мозга это совсем неплохо. Можно даже и вслух, по особым случаям, но начинать с этого утро, да еще так громко! Зачем ты это сделал?

– Зачем я это сделал? Дон, да я спал мертвым сном... Что ты хочешь этим сказать, «я сделал»?

– Он покачал головой, беспомощно пожал плечами, фыркнул и залез обратно под крыло в свой спальный мешок. Его книга лежала в траве переплетом вверх, там, куда я ее вчера уронил. Я бережно открыл ее и прочитал:

Отстаивайте

Свою ограниченность

И будьте уверены в том,

*Что она при вас
Останется.*

В те времена я многого не понимал в мессиях.

8.

В понедельник, покатав нескольких пассажиров в Хэммонде, штат Висконсин, мы закончили работу рано, пообедали в городе и отправились назад к самолетам.

– Дон, я могу допустить, что эта жизнь может быть интересной или скучной, или же такой, какой мы сами захотим ее сделать. Но даже в свои лучшие времена я никак не мог понять, почему мы находимся здесь в первом лице. Объясни мне это.

Мы проходили мимо закрытой скобяной лавки и открытого кинотеатра, в котором шел фильм «Батч Кэссиди и Санденс Кид». Вместо того чтобы ответить мне, он остановился.

– У тебя есть с собой деньги?

– Куча. А в чем дело.

– Давай сходим в кино, – сказал он. – Ты купишь билеты?

– Не знаю, Дон. Ты сходи. Я лучше вернусь к самолетам. Не люблю оставлять их надолго.

Почему ему вдруг понадобилось идти в кино?

– С самолетами все о'кей. Давай сходим в кино.

– Но фильм уже начался.

– Значит, мы будем смотреть его не сначала.

Он уже покупал билеты. Вслед за ним я вошел в темный зал, и мы сели в последнем ряду. В темноте перед нами сидело человек пятьдесят.

Через некоторое время картина, которую я всегда считал классической, захватила меня, и я забыл, зачем мы сюда пришли. Я смотрел «Санденс» уже в третий раз, время в кинотеатре закрутилось и растянулось, как это всегда бывает на хороших фильмах. Некоторое время и смотрел картину с «техническим интересом»... Как снималась каждая сцена, как она связана со следующей, почему она вмонтирована в фильм именно сейчас, а не позже. Я пытался смотреть ее именно с этой точки зрения, но постепенно сюжет меня захватил.

Уже совсем под конец фильма, в тот момент, когда Батча и Санденса окружила целая боливийская армия, Шимода тронул меня за плечо. Продолжая смотреть на экран, я наклонился к нему. Мне хотелось только одного – чтобы он сказал мне то, что хотел сказать, дождавшись конца фильма.

– Ричард?

– Ага.

– Почему ты здесь?

– Это хороший фильм, Дон, тише.

Батч и Санденс, оба залитые кровью, говорили о том, почему им надо отплывать в Австралию.

– Чем он хорош?

– Он мне нравится. Ш-ш-ш. Я тебе потом скажу.

– Отвлекись, Ричард, проснись. Это же иллюзия.

Он меня раздражал.

– Дон, до конца осталось всего несколько минут, давай поговорим потом, дай мне спокойно досмотреть фильм, о'кей?

Он шептал напряженно и драматично:

– Ричард, почему ты здесь?

– Послушай, я здесь, потому что ты сам меня сюда пригласил, – я отвернулся от него, пытаюсь, все-таки, досмотреть конец.

– Тебя никто не заставлял сюда идти, ты бы мог ответить: «Нет, спасибо».

– Мне нравится фильм, – человек, сидевший перед нами на секунду обернулся. – Да, мне нравится этот фильм, Дон, а что в этом плохого?

– Ничего, – ответил он и до конца фильма не произнес больше ни слова.

Выйдя из кинотеатра, мы пошли через площадку с подержанными тракторами к нашему полю. В небе потемнело, собирался дождь.

Я думал о его странном поведении там, в кинотеатре.

– Ты все делаешь по какой-нибудь причине, Дон?

– Иногда.

– Но причем тут фильм? Почему ты вдруг захотел посмотреть «Санденс»?

– Ты задал вопрос.

– Да. А у тебя есть ответ?

– Это и был мой ответ. Мы пошли в кино, потому что ты задал вопрос. Фильм был ответом на него.

Я знал, что он смеется надо мной.

– А какой я задал вопрос?

Последовала долгая мучительная пауза.

– Ты спросил, Ричард: «Почему, даже в лучшие свои времена, я не мог понять, почему мы здесь?».

Теперь я вспомнил.

– И фильм был ответом мне?

- Да.
- О.
- Ты не понимаешь, – сказал он.
- Нет.

– Это был хороший фильм, – стал объяснять он, – но даже лучший в мире фильм все равно остается иллюзией, разве не так? Изображения даже не двигаются, просто создается впечатление движения. Изменение света создает ощущение движения на плоском экране, висящем в темноте.

– Ну да, – я, кажется, начинал понимать.

– Другие люди, какие угодно, которые идут в кино, почему они это делают, если фильм – всего лишь иллюзия?

– Ну, это развлечение.

– Правильно, удовольствие. Раз.

– Можно узнать что-то новое для себя.

– Хорошо. Несомненно. Познание. Два.

– Фантазия, бегство от действительности.

– Это тоже удовольствие. Раз.

– Технические причины. Посмотреть, как фильм сделан.

– Познание. Два.

– Ну, чтобы не скучно провести время.

– Бегство от действительности, ты уже это говорил.

– За компанию, чтобы побыть с друзьями.

– Это причина, чтобы пойти в кино, но не причина смотреть фильм.

Тем не менее, это опять-таки удовольствие. Раз.

Что бы я ни говорил, причин смотреть фильм было только две. Люди ходят в кино или ради удовольствия, или для того чтобы узнать что-то новое, или по тому и по другому сразу.

– А фильм похож на жизнь, Дон, верно?

– Да.

– Тогда почему люди выбирают себе плохие жизни, фильмы ужасов?

– Они идут на фильмы ужасов не только для того, чтобы получить удовольствие. Они заранее знают, что это будет фильм ужасов.

– Но почему?

– Тебе нравятся фильмы ужасов?

– Нет.

– Ты их когда-нибудь смотришь?

– Нет.

– Но есть же люди, которые тратят кучу времени и денег, чтобы смотреть фильмы ужасов и мелодрамы, которые другим кажутся скучными

и занудными?

– Да, есть.

– Тебя никто не заставляет смотреть их фильмы, а их – твои. Это называется свободой.

– Но почему людям нравится, когда им страшно или скучно.

– Потому что они считают, что заслуживают это, потому что ужасы пугают кого-то еще, или им нравится возбуждение, которое дает страх, или они уверены в том, что фильм обязан быть занудным. Ты можешь себе представить, что множеству людей, по причинам, кажущимся им очень важными, нравится верить в то, что они беспомощны в этих фильмах?

– Нет, не могу.

– Пока ты этого не поймешь, ты будешь удивляться тому, что на свете существуют несчастные люди. Они несчастны только потому, что сами для себя это выбрали, и ты знаешь, Ричард, это в порядке вещей.

– Хм...

– Мы – играющие, забавляющиеся дети Вселенной. Мы можем умереть или причинить себе боль не больше, чем это могут сделать иллюзии на экране. Но мы можем поверить в то, что нам больно, мы можем представить себе эту боль во всех мучительных деталях. Мы можем поверить в то, что мы жертвы, в то, что мы убиваем, в то, что нас убивают, в то, что нас окружают удача и неудача.

– На протяжении многих жизней?

– Сколько ты видел фильмов?

– О.

– Фильмы о жизни на этой планете, о жизни на других планетах. Все, в чем присутствуют пространство и время, все это фильмы, все это иллюзии, – сказал он. – Но от этих иллюзий мы можем получить удовольствие и многому научиться.

– Насколько серьезно ты веришь в эту теорию, Дон?

– А насколько серьезно тебе бы хотелось? Сегодня ты посмотрел этот фильм отчасти и потому, что я хотел его посмотреть. Множество людей выбирают свои жизни потому лишь, что они любят все делать вместе. Актеры в сегодняшнем фильме раньше играли в других картинах, раньше или позже, в зависимости от того, которую из них ты видел первой, но ты мог бы увидеть их все одновременно на разных экранах. Мы покупаем билеты на эти фильмы, мы платим за вход согласим верить в реальность пространства и в реальность времени... Ни той, ни другой в действительности нет, но тот, кто не хочет платить эту цену, не сможет появиться ни на этой планете, ни в любой другой пространственно-

временной системе.

– А есть люди, которые вообще не живут в пространстве-времени?

– А есть люди, которые вообще не ходят в кино?

– Понимаю, они получают знания другими путями.

– Правильно, – сказал он, довольный мной. – Пространство-время это довольно-таки примитивная школа. Но множество людей остаются со своими иллюзиями даже когда те наскучивают им, и они не хотят, чтобы свет зажегся слишком рано.

– Дон, а кто пишет сценарии к этим фильмам?

– Не странно ли бывает иногда обнаружить, как много мы знаем, если задавать вопросы себе, а не другим? Кто пишет эти сценарии, Ричард?

– Мы сами, – ответил я.

– Кто занят в ролях?

– Мы.

– Кто служит оператором, киномехаником, директором кинотеатра, билетером, кто следит за всем этим? Кто способен выйти из зала на середине сеанса, в любое время на ходу изменить сценарий, кто способен смотреть один и тот же фильм снова и снова?

– Дай подумать, – сказал я. – Каждый, кто только захочет?

– Тебе достаточно свободы? – спросил он.

– Так вот почему кино так популярно! Потому что мы интуитивно проводим параллели между фильмами и нашими собственными жизнями?

– Может быть, поэтому... Может быть, и нет. Это не так уж важно, правда? А что является проекционным аппаратом?

– Разум, – ответил я. – Нет, воображение. Что бы ты ни говорил, это наше воображение.

– А что такое фильм?

– Сдаюсь.

– Все, что мы разрешаем себе вообразить, я прав?

– Пожалуй, Дон.

– Ты можешь взять в руки пленку с фильмом, – сказал он, – совершенно законченным. Начало, середина и конец – и все это в твоих руках сразу, в одно мгновение, в миллионную долю секунды. Фильм существует над временем, которое он увековечивает, и если ты уже смотрел его, ты всегда можешь сказать, что в нем произойдет, еще до того, как войдешь в кинотеатр. Будут сражения и волнения, победители и побежденные, романы и разочарования, и ты заранее знаешь, что все это будет. Но для того чтобы фильм захватил тебя, для того чтобы он унес тебя с собой, для того чтобы ты вполне им наслаждался, ты должен вставить

ленту в аппарат и пропустить его сквозь линзы минуту за минутой... Чтобы пережить иллюзию, необходимы пространство и время. Поэтому ты платишь деньги, берешь билет, занимаешь свое место и забываешь о том, что творится за стенами зала. Твой фильм для тебя начинается.

– И на самом деле никому не бывает больно? Кровь из томатного сока?

– Нет, это настоящая кровь, – сказал он, – но для пущего воздействия на нашу реальную жизнь это может быть и томатный сок...

– А реальность?

– Реальность божественно нейтральна, Ричард. Матери всегда безразлично, какую роль играет ее ребенок в своих играх, сегодня он плохой мальчик, а завтра хороший. СУТЬ даже не подозревает о наших играх и иллюзиях. Она знает только себя и нас в своем подобии, совершенных и законченных.

– Я не уверен, что мне хочется быть совершенным и законченным. Расскажи мне о скуке...

– Посмотри на небо, – перебил он, и это была такая неожиданная перемена темы, что я, не задумываясь, поднял глаза вверх. Высоко над нами висело разорванное кольцо облаков. Первые лучи Луны серебрили его края.

– Красивое небо, – заметил я.

– Это совершенное небо?

– Дон, небо всегда совершенно.

– Ты хочешь сказать, что небо всегда совершенно, даже если оно постоянно изменяется?

– Да, конечно!

– И море тоже всегда совершенно, хотя оно тоже изменяется каждую секунду, – сказал он. – Если совершенство заключается в постоянстве, то рай должен быть чем-то вроде болота, но вряд ли Суть можно сравнить с творцом болот.

– Совершенное, постоянно изменяющееся. Да. Это я покупаю.

– Ты купил это уже давно, если придерживаться временных терминов.

Я повернулся к нему.

– Дон, а тебе не надоело оставаться в одном этом измерении?

– О! А разве я остаюсь всего в одном измерении? – удивился он. – А ты?

– Почему все, что я говорю, оказывается неправильным?

– А разве все, что ты говоришь, оказывается неправильным?

– Мне кажется, что я занялся не своим делом.

– Уж не хочешь ли ты переключиться на недвижимое имущество? – усмехнулся он.

– Да, на недвижимое имущество или страхование.

– Недвижимому имуществу принадлежит будущее, если оно тебе так уж важно.

– О'кей, прошу прощения, – сказал я, – мне не нужно ни прошлого, ни будущего. В ближайшее время я намереваюсь стать Учителем в Мире Иллюзий. Я думаю, что стану им на следующей неделе.

– Ричард, я думаю, что это случится гораздо раньше.

Я внимательно посмотрел на него, но он не улыбался.

9.

Дни были похожи один на другой. Как обычно, мы продолжали летать, но я перестал измерять лето названиями городов или заработанными деньгами. Я начал измерять его своими новыми знаниями, нашими слепополетными разговорами и чудесами, случавшимися время от времени, до тех пор, пока я не понял, что это вовсе не чудеса.

*Представьте себе
Вселенную,
Прекрасную, справедливую
И совершенную, —*

однажды прочитал я в книге. —

*И после этого
Будьте уверены в одном:
Суть представляет ее себе
Чуть лучше,
Чем вы.*

10.

День выдался спокойным... Лишь время от времени подъезжали случайные пассажиры. В свободное время я практиковался в испарении облаков.

Я работал летным инструктором, и я знаю, что труднее всего научить самым простым вещам. Я знал это прекрасно, но сейчас учеником был я. Я сидел и яростно вперял взор в мишени из курчавых облаков. В этот момент я нуждался в теории больше, чем в практике. Шимода лежал рядом под крылом «Флита» и притворялся спящим. Я мягко похлопал его по руке, он открыл глаза.

– У меня не получается, – сказал я.

– Ты можешь, – ответил он и опять закрыл глаза.

– Дон, я старался! Как только мне начинает казаться, что у меня получается, облако вдруг раздувается и становится чуть ли не больше, чем до этого.

Он вздохнул и сел.

– Выбери для меня облако. Попроще, пожалуйста.

Я выбрал в небе самое большое и противное облако длиной футов тысячи в три, изрыгающее адский белый дым.

– Вон там, над силосной башней, – сказал я. – То, которое начинает чернеть.

Он мягко взглянул на меня.

– Почему ты меня ненавидишь?

– Дон, я прошу тебя об этом, потому что ты мне нравишься, – улыбнулся я. – Тебе и самому необходимо с кем-нибудь помериться силами. Если хочешь, я могу найти для тебя что-нибудь поменьше.

Он опять вздохнул.

– Я попытаюсь. Так которое, ты говоришь?

Я посмотрел на небо, но этого монстра с миллионами тонн дождя уже не было. На его месте сияла неуклюжая голубая дыра.

– Штмяк, – тихо сказал я.

– Хорошая работа, – оценил он. – Нет, правда, как бы мне ни хотелось принять твои поздравления, я со всей честностью должен признаться: это просто.

Он показал мне на небольшое облако прямо над нами.

Вот это. Теперь твоя очередь. Готов? Вперед!

Я посмотрел наверх. Облако смотрело на меня. Я подумал о том, что его нет, я представил себе на его месте пустоту, я направил на него видения тепловых лучей, и медленно, очень медленно, за минуту, пять, семь, облако исчезло.

– Не слишком-то быстро, – сказал он.

– Но это же в первый раз! Я же только учусь! Я делаю невероятные вещи, совершенно невозможные, а ты, вместо того чтобы похвалить, упрекаешь меня в медлительности. Это было сделано хорошо, и ты это знаешь.

– Поразительно! Ты так старался, а оно, все-таки, исчезло.

– Старался! Да я бомбардировал это облако всем, чем только мог! Огненные шары, лазерные лучи, пылесос величиной с дом...

– Ненужные аксессуары, Ричард. Если ты хочешь убрать из своей жизни облако, не превращай это занятие в крупное предприятие, просто расслабься и не думай о нем. Убери его из своих мыслей. Вот и все.

*Облако не знает
Почему оно двигается
В данном направлении
И с данной скоростью, —*

сказала мне книга, —

*Оно чувствует импульс...
Мне нужно плыть сюда.
Но небо
Знает маршруты
И смысл всех облаков,
И вы тоже узнаете их,
Как только подниметесь достаточно высоко,
Для того чтобы заглянуть за горизонт.*

11.

*Вам
Никогда не дается желание
Без того чтобы вам давалась сила,
Чтобы выполнить его.*

*Тем не менее,
Чтобы его выполнить,
Иногда приходится поработать.*

Мы приземлились на огромном пастбище рядом с трехакровым прудом, вдаль от городов, где-то между Иллинойсом и Индианой. Никаких пассажиров. Я подумал о том, что сегодня у нас будет выходной.

– Послушай, – сказал он. – Нет, не надо слушать, просто сиди и смотри. То, что ты сейчас увидишь, вовсе не чудо. Вспомни о своих учебниках по ядерной физике: человек идет по воде.

Сказав это, он повернулся и прошел несколько ярдов по поверхности пруда, будто не замечая воды под ногами. Пруд был похож на летний мираж пруда над асфальтовым озером. Он твердо стоял на поверхности, ни единая волна, ни один всплеск не касались его ботинок.

– Вот, – сказал он, – иди, попробуй сам.

Я видел это собственными глазами, и, очевидно, это было возможно, ведь он стоял прямо передо мной, и я подошел к нему. У меня было такое ощущение, что я шел по голубому линолеуму. Я засмеялся.

– Дональд, что ты со мной делаешь?

– Всего-навсего показываю тебе то, чему раньше или позже научится каждый, – сказал он, – а ты уже готов к этому.

– Но я...

– Смотри. Вода может быть твердой, – он постучал по поверхности пруда ногой, как о камень. – Или жидкой, – он опять постучал, и вода обрызгала нас обоих. – Понял? Попробуй.

Как быстро мы привыкаем к чудесам! Меньше чем через минуту я уже думал о том, что ходить по воде не только возможно, но и естественно. А что в этом такого?

– Но если эта вода сейчас твердая, то как же ее тогда пить?

– Точно так же, как и ходить по ней, Ричард. Она ни твердая, ни жидкая. Мы сами решаем, какой ей для нас быть. Если хочешь, чтобы она была жидкая, поступая с ней так, будто она жидкость. Если хочешь, чтобы она была воздухом, поступай с ней так, будто она воздух. Попробуй.

Может быть, все дело в присутствии просвещенной души, подумал я. Может быть, подобные вещи происходят лишь в определенном радиусе, ну, скажем, футах в пятидесяти от нее...

Я встал на колени на поверхности пруда и погрузил в него руку. Жидкая. Затем я лег на живот и, убедив себя в том, что вода это воздух, опустил в нее лицо. Я дышал будто теплым жидким кислородом, не чувствуя никакого удушья. Наконец, я опять сел и вопросительно посмотрел на Шимоду, предполагая, что он знает, о чем я думаю.

– Говори, – сказал он.

– Почему я должен говорить?

– Потому что, то, что ты хочешь сказать, наиболее точно может быть выражено словами. Говори.

– Если мы можем ходить по воде, дышать ей и пить ее, то почему мы не поступаем так с землей?

– Да. Хорошо. Сейчас ты увидишь.

Он пошел к берегу так легко, будто он шел по раскрашенному макету озера. Но как только он коснулся ногой песка и травы, он начал тонуть, и через несколько шагов погрузился в землю по плечи. Создалось впечатление, что пруд превратился в остров, а земля вокруг него стала морем. Он немного поплавал по лугу, резвясь и разбрызгивая капли жирной глины, потом лег на поверхность, встал и пошел. Неожиданно я увидел чудо: человек шел по земле!

Я стоял на поверхности пруда и аплодировал его представлению. Он поклонился и поаплодировал мне.

Я подошел к берегу, представил себе землю жидкой и тронул ее носком ботинка. По траве кругами побежали волны. Земля будет такой глубокой, как мне этого захочется. Два фута, подумал я, пусть она будет глубиной два фута, я пройду по ней вброд.

Я уверенно шагнул на берег и провалился под землю с головой. Внизу было темно и страшно, я задержал дыхание и изо всех сил рванулся к поверхности, пытаясь ухватиться за твердую воду, за край пруда, чтобы всплыть.

Он сидел на траве и хохотал.

– Ты замечательный ученик, Ричард, тебе это известно?

– Какой из меня ученик! Вытащи меня отсюда.

– Вытащи себя сам.

Я перестал барахтаться. Я вижу землю твердой и могу из нее выбраться. Я вижу землю твердой... И вот я выбрался, весь измазанный черной грязью.

– Парень, ты, кажется, запачкался.

Его голубая рубашка и джинсы были абсолютно чистыми.

– А-а-а! – я стряхнул землю с волос и выковырял ее из ушей. В конце концов, я положил бумажник на траву и вошел в жидкую воду, где почистился традиционным «мокрым» способом.

– Знаю, для того чтобы почиститься, есть метод и получше.

– Да, и, к тому же, более быстрый.

– Конечно. Ладно, сиди себе, посмеивайся, я попробую сам.

– О'кей.

Наконец, я вернулся к «Флиту», переоделся и развесил мокрую одежду на расчалках.

– Ричард, не забудь, что ты сегодня сделал. Очень просто забыть наши знания, думать, что это был сон или случайное чудо. Не бывает ни хороших снов, ни прекрасных чудес.

– Ты же сам говорил, что мир это сон, а он иногда бывает прекрасным. Закат. Облака. Небо.

– Нет, сном бывает только образ, а не мир. Красота реальна. Ты чувствуешь разницу?

Я кивнул, почти понимая его. Позже я заглянул в книгу.

Мир

*Это ваша ученическая тетрадь,
Страницы которой вы заполняете.*

Он не является реальностью,

Хотя, если вы пожелаете,

Вы можете отобразить

В тетради и реальность.

Вы также

Можете написать в ней бессмыслицу

Или ложь, или порвать страницы.

12.

*Истинным
Грехом является
Ограничение Сути.
Не делайте этого.*

Был теплый день, мы отдыхали между полетами. С утра прошел дождь, и тротуары города были мокрыми от луж.

– Дон, ты умеешь проходить сквозь стены?

– Нет.

– Когда ты отвечаешь «нет», я знаю, что это значит «да», но тебе не понравилось, как я задал вопрос.

– Мы определенно наблюдательны, верно?

– А в чем ошибка, в «проходить» или в «стенах»?

– И в том, и в другом. Твой вопрос предполагает, что я существую в ограниченной пространственно-временной структуре и могу переходить в другую. Сегодня у меня нет настроения принимать подобные твои предположения относительно меня.

Я нахмурился. Он знал, о чем я спрашиваю. Почему он не захотел прямо ответить, как у него выходят такие вещи?

– Так я немножко помогаю тебе думать точнее, – мягко сказал он.

– О'кей. Ты можешь сделать так, чтобы другим показалось, что ты проходишь сквозь стену? Этот вопрос лучше?

– Да, лучше. Но если уж ты хочешь быть точным до конца...

– погоди. Я знаю, как спросить. Вот мой вопрос. Как тебе удастся передвигать иллюзию ограниченного ощущения тождественности, выраженную, по этой вере, в виде пространственно-временной непрерывности под названием «тело», сквозь иллюзию материальной преграды под названием «стена»?

– Отлично! Если правильно задать вопрос, он сам отвечает на себя, верно?

– Нет, вопрос не дал ответ. Как ты проходишь сквозь стены?

– Ричард! Ты сделал почти все правильно, и вдруг сам разрушил все на мелкие кусочки. Я не умею проходить сквозь стены... Когда ты так говоришь, ты принимаешь вещи, которых я не принимаю, а если я их приму, то вот тебе ответ: нет, не умею.

– Но, Дон, выразить все точно очень сложно. Ты же знаешь, что я имею в виду.

– Так что же, если тебе трудно что-то сделать, ты и пытаться не будешь? Сначала тебе и ходить было трудно, но ты упражнялся, и теперь ходить тебе легко.

Я вздохнул.

– Да, о'кей. Забудь об этом вопросе.

– Я забуду о нем. А вот мой вопрос: а ты можешь? – он смотрел на меня самым беззаботным взглядом в мире.

– Итак, Дон, ты утверждаешь, что тело это иллюзия, и стена это иллюзия, но тождественность реально и не может быть ограничена иллюзиями.

– Я этого не утверждаю. Ты сам утверждаешь это.

– Но это же верно?

– Естественно, – сказал он.

– Так как же ты это делаешь?

– Ричард, ничего не нужно делать. Ты вдруг увидишь, что это сделано, вот и все.

– Тебя послушать, так это легче легкого.

– Это так же просто, как ходить. Сейчас тебя удивляет, что тебе когда-то было трудно ходить.

– Дон, для меня проходить сквозь стены не только трудно, это невозможно.

– Ты думаешь, что если тысячу раз повторить слово «невозможно», то все трудное для тебя станет легким?

– Извини. Это возможно. И когда придет время, я это сделаю.

– Нет, вы только посмотрите на него! По воде он ходит, а стены, видите ли, его смущают!

– Так то было просто, а это...

– Отстаивай свою ограниченность, и будь уверен, что она останется при тебе, – сказал он нараспев. – Разве неделю назад ты не плавал в земле?

– Плавал.

– А чем стена отличается от горизонтальной земли? Какая разница, в каком направлении простирается иллюзия? Горизонтальную иллюзию можно преодолеть, а вертикальную никак?

– Ты начинаешь меня утомлять, Дон.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Значит, настало время оставить тебя одного.

Последнее строение на окраине города было амбаром. Это был

громадный сарай из оранжевого кирпича. Похоже, что Дональд намеревался срезать угол и пройти по какому-то тайному короткому пути, который явно лежал сквозь амбар. Он резко повернул направо и исчез в стене. Сейчас мне кажется, что если бы я пошел за ним, у меня бы тоже так получилось. Но я стоял на тротуаре и смотрел на то место, где он исчез. Когда я протянул руку, мои пальцы коснулись твердого кирпича.

– Когда-нибудь, Дональд, – сказал я, – в один прекрасный день...

К самолетам я шел один, окружным путем.

– Дональд, – сказал я, добравшись, наконец, до самолетов, – я пришел к выводу, что ты, просто-напросто, не существуешь в этом мире.

Он с изумлением посмотрел на меня, стоя на крыле «Трэвел Эйр» и заливая в бак бензин.

– Конечно, нет, а ты можешь назвать кого-нибудь, кто существует?

– Что значит, могу ли я? Конечно, могу! Я! Я существую в этом мире.

– Отлично, – сказал он, как будто сам докопался до скрытой истины. – Напомни мне, чтобы я угостил тебя сегодня ужином. Меня приятно удивляет то, что ты не перестаешь учиться.

Это меня озадачило. В его голосе не было ни иронии, ни сарказма, он имел в виду только то, что сказал.

– Что ты хочешь этим сказать? Конечно, я живу в этом мире. Я, и еще около четырех миллиардов людей. Это ты...

– О Боже, Ричард! Ты это серьезно? Ужин откладывается. Не будет тебе ни гамбургеров, ни солода. Ты этого не заслужил. А я уж, было, подумал, что ты постиг эту основную истину, – он смотрел на меня с сердитой жалостью. – Ты в этом так уверен? Ты живешь в одном мире ну, скажем, с биржевым маклером? Твоя жизнь, я полагаю, меняется и приходит в смятение с изменением политики Общего рынка, если мандатный обзор дел говорит о потере пятидесяти процентов капиталовложений акционеров? Ты живешь в одном мире с гастролирующим шахматистом? Первая игра в конце недели, в Нью-Йорке. Если в Манхэттене тебя ждут Петросян, Фишер, Браун и приз в полмиллиона долларов, то что ты делаешь здесь, в Огайо, в этом поле на окраине Мэйтлэнда? Что ты здесь делаешь? Твои самые насущные проблемы это разрешение фермера на полеты, пассажиры, ждущие десятиминутного удовольствия, уход за мотором фирмы «Киннер» и смертельный страх перед грозой и градом. Ты, и твой «Флит» тысяча девятьсот двадцать девятого года выпуска. Сколько еще людей живет в твоём мире? Ты говоришь, четыре миллиарда? Ты пытаешься утверждать, глядя мне в глаза, что четыре миллиарда человек не живут своими

собственными изолированными четырьмя миллиардами жизней? – он говорил так быстро, что задыхался.

– А я уже чувствовал вкус гамбургера с плавленым сыром... – сказал я.

– Прощу прощения. Я бы с удовольствием угостил тебя, но, увы, с этим делом покончено, забудь об этом.

Хотя я в последний раз обвинил его в том, что он не существует в этом мире, я еще не скоро понял слова, которые прочитал в тот день в книге:

Если

Некоторое время

Вы попытаетесь быть вымышленной личностью,

Вы поймете, что вымышленные люди

Зачастую более реальны,

Чем люди с телами

И бьющимися сердцами.

13.

*Ваша совесть –
Не что иное, как мера
Честности вашего эгоизма.
Внимательно прислушайтесь
К этому.*

– Мы все свободны делать то, что мы хотим делать, – сказал он в эту ночь. – Это просто, ясно и очевидно, не правда ли? Ну не прекрасный ли это способ управления Вселенной?

– Почти. Ты забыл одну маленькую деталь, – сказал я.

– О?

– Мы все свободны делать то, что мы хотим делать, при условии, что своими действиями не причиним боли другим, – добавил я. – Я знаю, что ты имел это в виду, так что же ты сразу это не сказал?

Из темноты до меня донесся звук шагов. Я быстро взглянул на него.

– Да, похоже, что кто-то...

Он встал и ушел в темноту. Вдруг я услышал, как он рассмеялся и произнес имя, которое мне не удалось расслышать.

– О'кей, – сказал он. – Нет, мы будем вам рады... Что вы там стоите, правда, просим к нам на огонек...

Ему ответил голос с сильным акцентом, не русским, не чешским, скорее, с трансильванским:

– Спасибо, но мне не хотелось бы вас стеснять.

Мужчина, которого Дон привел к нашему костру, выглядел для Среднего Запада довольно необычно. Маленькая, стройная волкоподобная фигура, пугающая взор. Он был одет в вечерний костюм, черный плащ, подбитый красным шелком, и лакированные ботинки. При свете костра он чувствовал себя неловко.

– Я проходил мимо, – сказал он. – Мне ближе идти к дому через поле.

– Неужели? – Шимода не верил ему, зная, что он лжет, и, в то же время, едва сдерживал смех. Я ничего не понимал.

– Располагайтесь поудобнее, – сказал я. – Не можем ли мы вам чем-нибудь помочь? – на самом деле я сказал это чисто из вежливости; он был мне настолько неприятен, что мне вовсе не хотелось, чтобы ему было удобно.

Он посмотрел на меня с безнадежной улыбкой, от которой на меня повеяло холодом.

– Да, вы можете мне помочь. Мне это очень нужно, иначе я не стал бы и просить. Можно я попью вашей крови? Совсем чуть-чуть? Это моя пища, мне нужна человеческая кровь...

Может быть, все дело было в акценте, он не слишком-то хорошо владел английским, но я вскочил на ноги так быстро, как мне уже давно не приходилось этого делать, и от этого движения в огонь полетели стебельки.

Мужчина отступил. Вообще-то, я спокойный человек, но я неплохо сложен и, наверное, выглядел грозно.

– Простите, сэръ! Простите! Пожалуйста, забудьте об этом! Но дело в том, что я...

– О чем вы говорите? – я приходил все в большую ярость, потому что мне было страшно. – Вы, собственно, кто такой? Вы что, ВАМ...

Шимода перебил меня, прежде чем я успел вымолвить это слово.

– Ричард, наш гость говорил, а ты прервал его. Пожалуйста, сэръ, продолжайте, простите моего друга, он несколько нетерпелив.

– Дональд, – сказал я, – этот тип...

– Спокойно!

Я так изумился, что замолчал и с испугом и изумлением смотрел на мужчину, выхваченного из темноты светом костра.

– Пожалуйста, поймите меня правильно. Я вовсе не хотел родиться вампиром. Это для меня большое несчастье. У меня нет друзей. Но каждую ночь я должен выпивать немножко свежей крови, иначе меня будут терзать ужасные боли, я даже могу умереть. Пожалуйста, позвольте мне попить вашей крови, совсем чуть-чуть, больше пинты мне и не надо, иначе мне будет очень плохо, иначе я умру, – он сделал шаг по направлению ко мне, облизывая губы. Вероятно, он полагал, что Шимода имеет на меня влияние и заставит подчиниться.

– Еще один шаг, и кровь будет. Мистер, как только вы до меня дотронетесь, я убью вас... – я не стал бы его убивать, просто перед дальнейшей беседой я намеревался его хорошенько связать.

Должно быть, он мне поверил, потому что остановился и вздохнул.

– Вы достигли того, чего хотели? – спросил он, повернувшись к Шимоде.

– Думаю, что да. Спасибо.

Вампир взглянул на меня и непринужденно улыбнулся, как актер на сцене, когда спектакль уже закончился.

– Я не буду пить твою кровь, Ричард, – сказал он на безупречном английском без всякого акцента. На моих глазах он растворился в воздухе, как будто кто-то выключил его...

Секунд через пять его уже не было.

Шимода присел у костра.

– Я рад, что ты сам не веришь в то, что говоришь.

Я все еще дрожал от избытка адреналина в крови, я был готов к схватке с монстром.

– Дон, я не вполне уверен в том, что готов к подобным шуткам. Может быть, ты объяснишь мне, наконец, что, собственно, происходит? К примеру, что это... было?

– Это был уомпирр из Тронсилуэнии, – сказал он с еще большим акцентом, чем то чудовище. – Или, чтобы быть более точным, это была мысленная форма вампира из Трансильвании. Если ты хочешь кому-нибудь что-то объяснить, а тебя не слушают, дай им как следует по голове какой-нибудь мысленной формой, чтобы до них дошло, что ты имеешь в виду. Как ты думаешь, я не переборщил с этими клыками, с акцентом и этим плащом? Он не слишком тебя напугал?

– Плащ был роскошный, Дон, но он так похож был на стереотип, он был таким забавным... Нет, я вовсе не испугался.

Он вздохнул.

– Ну, хорошо. Но ты, по крайней мере, все понял, а это главное.

– Что я понял?

– Ричард, в своем гневе по отношению к моему вампиру ты делал то, что хотел делать, даже хотя ты и предполагал, что причинишь ему боль. Он даже предупредил тебя, что ему будет больно, если...

– Но он же собирался пить мою кровь!

– Мы все поступаем подобным образом, когда говорим другим, что нам будет больно, если они не будут жить так, как нам хочется.

Некоторое время я молча обдумывал это. Я всю жизнь считал, что мы можем поступать так, как нам заблагорассудится, при условии, что мы не будем делать другим зла, но это оказалось неправильным. Что-то тут было не так.

– Тебя смущает общепринятая формулировка, которая не верна, – сказал он. – Эта фраза: *причинить боль кому-нибудь другому*. Что бы ни случилось, мы сами выбираем, будет нам больно или нет. Это решаем только мы сами, и никто другой. Мой вампир сказал тебе, что ему будет больно, если ты не дашь ему напиться крови. У тебя был выбор – дать ему кровь, отказать ему, связать его, забить в его сердце священный кол. Если

бы он был против священного кола, он был бы свободен оказать тебе сопротивление, причем любым угодным ему способом. И так далее, и так далее. Выборы, альтернативы.

– Ну, если на это так смотреть...

– Послушай, – сказал он, – это очень важно. *Мы. Все. Свободны. Делать. То. Что. Мы. Хотим. Делать.*

14.

*Каждый человек
И каждое событие
Присутствуют в вашей жизни,
Потому что вы сами их привлекли.
Что вы будете с ними делать,
Решать только вам самим.*

– Дон, тебе не бывает одиноко? – мне пришло в голову задать ему этот вопрос, когда мы сидели в кафе в городе Рейерсон, штат Огайо.

– Меня удивляет, что ты...

– Ш-ш-ш, – сказал я, – я еще не закончил. Тебе никогда не бывает просто одиноко?

– Тот смысл, который ты вкладываешь в...

– Погоди. Всех этих людей мы видим лишь несколько минут. Время от времени я замечаю в толпе лицо, какую-нибудь замечательную, восхитительную женщину, и я хочу поздороваться с ней, остаться, и больше никуда не лететь, а посидеть и поговорить с ней. Но она летает со мной десять минут, или не делает даже и этого, и вот ее уже нет, а следующим утром я лечу в Шелбивилль, и больше никогда ее не увижу. Вот что такое одиночество. Мне кажется, что я никогда не смогу найти настоящих друзей, если я сам постоянно в пути.

Он сидел и молчал.

– Или, все-таки, я их найду?

– Можно я что-нибудь скажу?

– Думаю, да, – в этом кафе гамбургеры наполовину заворачивали в тонкую промасленную бумагу, и когда их разворачивали, сыпались семена кунжута, пользы от которых было мало, но сами гамбургеры были неплохие. Некоторое время мы ели в тишине, и я ждал, что он мне скажет.

– Видишь ли, Ричард, мы, собственно говоря, магниты, не так ли? Нет, не магниты. Мы – железо, обмотанное медной проволокой, и как только мы пожелаем стать магнитами, мы можем стать ими. Можно просто пропустить по проволоке наш внутренний ток и притянуть к себе то, что нам угодно. Магниту безразлично, как он работает. Он просто является сам собой, и по природе своей притягивает одно и оставляет в покое другое.

Я ел жареный картофель и хмурился на Дональда.

– Ты упустил маленькую деталь. Как мы это делаем?

– Мы ничего не делаем. Помнишь космический закон? Одинаковых людей всегда тянет друг к другу. Просто будь тем, кто ты есть, спокойным, сильным, мудрым. Остальное происходит автоматически. Когда мы светимся своим внутренним светом, каждую минуту спрашивая себя, то ли мы делаем, что действительно хотим делать, и, делая это, отвечаем себе «да», мы автоматически отгоняем от себя тех, кому нечему у нас научиться, и привлекаем тех, кто хочет постичь наши знания, и тех, у кого можем учиться сами.

– Но это требует истиной веры, а тем временем все-таки становится одиноко.

Отвлекшись от гамбургера, он странно взглянул на меня.

– Какой веры? Ноль веры. Все, что для этого нужно, это воображение, – он расчистил стол, убрав с него соль, перец, кетчуп, вилки и ножи. Я ждал, что сейчас произойдет очередное чудо, что-нибудь материализуется на столе прямо перед моими глазами.

– Если у тебя есть хотя бы столько воображения, сколько у этого зернышка кунжута, – сказал он, положив в качестве примера одно из зернышек на середину стола, – для тебя все возможно.

Я посмотрел на зернышко, потом перевел взгляд на него.

– Мне бы хотелось, чтобы все вы, все мессии, собрались вместе и договорились. Мне всегда казалось, что если весь мир восстанет против меня, то все, что мне будет нужно, это вера.

– Нет. Я хотел исправить эту ошибку, когда еще проповедовал, но это было бесполезно. Две тысячи, пять тысяч лет назад слова «воображение» вообще не было, и лучшим словом, которым люди могли его заменить, было слово «вера». К тому же, тогда не было зерен кунжута.

Я был уверен, что в последнем он ошибается, но спорить не стал.

– А я должен себе представить это намагничивание? Я могу представить себе мудрую мистическую леди, появившуюся на поле около города Таррагон, штат Иллинойс, ну и что дальше? Ведь она существует лишь в моем воображении.

Он беспомощно обратил взгляд к небесам, в тот момент представленными в виде потолка кафе Эма и Эдны.

– Всего лишь в твоём воображении? Конечно в твоём воображении! Весь мир – это твоё воображение, ты что, забыл об этом? Ты переживаешь только то, о чём думаешь. Как человек думает, так он и существует. Нас пугает только то, чего мы боимся. Думай и богатей. Творческое зрительное представление для развлечения и дохода. Как найти друзей,

будучи тем, что мы есть. Твое воображение ни на йоту не изменит Суть, никак не повлияет на реальность. Но мы обсуждаем миры «Уорнер Бразерс», образы «Метро-Голдуин-Майер», а каждая их секунда это иллюзия и воображение. Все это сны с символами, которые, просыпаясь, мы сами для себя создаем.

Он положил свои вилку и нож так, будто собирался построить между ними мост.

– Ты пытаешься понять смысл своих снов? Ты смотришь на то, что происходит вокруг тебя в твоём бодрствовании, и точно так же пытаешься понять это. Каждый раз, оглянувшись вокруг, что ты видишь в своей жизни? Себя и самолеты.

– Да, Дон, пожалуй, ты прав, – мне хотелось, чтобы он говорил помедленнее, а не обрушивал на меня все сразу со скоростью миля в минуту, это быстровато для восприятия новых идей.

– Если во сне ты видишь самолеты, то что это для тебя значит?

– Свободу. Сны с самолетами освобождают меня, дают мне чувство свободы.

– Так что же объяснять дальше? Сон наяву это то же самое. Ты всегда будешь свободен от того, что связывает тебя – от рутины, авторитета, скуки, серьезности. Ты до сих пор не понял, что свободен уже, и всегда был свободен. Если у тебя воображения хотя бы наполовину столько, сколько у этого зернышка, ты уже высший хозяин своей жизни и всего ее волшебства. *Только воображение!* О чем ты говоришь?

Официантка время от времени странно поглядывала на него. Вытирая посуду, она прислушивалась к нашему разговору, вероятно гадая, кто он такой.

– Так тебе никогда не бывает одиноко, Дон? – опять спросил я.

– Пока мне самому этого не захочется. У меня есть друзья в других измерениях, с которыми я время от времени встречаюсь. Так же, как и ты.

– Нет, я имею в виду это измерение, этот воображаемый мир. Докажи мне, что ты прав, покажи мне какое-нибудь маленькое чудо твоего магнита. Я хочу этому научиться.

– Лучше ты сам покажи чудо, – ответил он. – Для того чтобы привлечь что-то в свою жизнь, нужно представить себе, что оно в ней уже есть.

– А что бы мне такое представить? Можно мою прекрасную леди?

– Все, что угодно, но для начала лучше не леди, а что-нибудь поменьше.

– И я займусь этим прямо сейчас?

– Да.

– О'кей... *Голубое перо.*

Он озадаченно посмотрел на меня.

– Ричард! Голубое перо?

– Ты же сказал: все что угодно, но не леди, а что-нибудь поменьше.

Он пожал плечами.

– Отлично. Голубое перо. Представь его себе. Представь его себе наглядно, во всех деталях, каждую линию, каждое ребрышко, кончик, трещинку в том месте, где оно чуточку порвано, пух вокруг пера. Представь себе все это на минуту, а затем отпусти его.

Я закрыл глаза и мысленно увидел образ пера длиной дюймов в пять, переливающегося по краям серебристо-голубым цветом. Яркое чистое перо, летящее в темноте.

– Если хочешь, можешь окружить его золотым сиянием. Это поможет сделать его реальным, и к тому же сработает как магнит.

Я окружил свое перо золотым ореолом.

– О'кей.

– Годится. Можешь открыть глаза.

Я открыл глаза.

– А где же мое перо?

– Если ты представил его себе достаточно отчетливо, оно уже спешит к тебе с неумолимостью грузовика.

– Мое перо? С неумолимостью грузовика?

– Выражаясь образно, Ричард.

Целый день я ждал, когда же мое перо появится, но его все не было. Лишь вечером, уплетая за ужином бутерброд с горячей индейкой, я, наконец, его увидел. Это был рисунок на картонном пакете с молоком. Надпись гласила: «Упаковано на ферме „Голубое перо“, город Брайан, штат Огайо, для молочной фирмы Скотта».

– Дон! Мое перо!

Он посмотрел на меня и пожал плечами:

– Я думал, тебе нужно настоящее перо.

– Что ж, для начала сойдет и это, как ты считаешь?

– Ты представил его себе отдельно от всего, или ты держал его в руках?

– Отдельно, само по себе.

– Тогда все ясно. Если ты хочешь, чтобы то, что ты к себе притягиваешь, оказывалось рядом с тобой, ты должен вместе с ним представить и себя. Извини, что я забыл тебе это сказать.

Странное призрачное чувство овладело мной. У меня получилось! Я

сознательно притянул к своей жизни то, что хотел!

– Сегодня перо, – сказал я, – завтра весь мир.

– Будь осторожен, Ричард, – сказал он, – иначе ты об этом пожалеешь...

15.

*У истины,
Которую вы провозглашаете,
Нет ни прошлого,
Ни будущего.
Она есть,
И это все,
Что ей нужно.*

Я лежал на спине под «Флитом» и вытирал масляные пятна с брюха фезюляжа. В последнее время мотор каким-то образом стал выбрасывать масла меньше, чем раньше. Шимода закончил очередной полет с пассажиром, подошел ко мне и присел на траву.

– Ричард, как ты собираешься произвести впечатление на весь мир, если, пока все трудятся, чтобы заработать себе на жизнь, ты легкомысленно порхаешь как мотылек в своем сумасшедшем биплане и катаешь пассажиров за гроши? – он опять экзаменовал меня. – Этот вопрос тебе зададут еще не раз.

– Что ж, Дональд. Первое: я существую не для того, чтобы производить на мир впечатление, а для того, чтобы прожить свою жизнь так, чтобы быть счастливым.

– О'кей. А второе?

– Второе: все свободны делать то, что им хочется делать, для того чтобы жить. Ответственным можно назвать лишь Того, Кто Способен Отвечать, того, кто способен отвечать за тот образ жизни, который он выбрал для себя. Само собой разумеется, мы должны держать ответ только перед одним человеком, перед...?

– Самим собой, – ответил Дон за воображаемую толпу учеников.

– Мы даже не обязаны отчитываться перед самим собой, если мы этого не хотим. Нет ничего плохого в том, чтобы быть безответственным. Но большинство из нас находит интересным знать, почему они поступают так, а не иначе, почему они сделали именно этот выбор, а не другой. Чем бы он ни был – наблюдением за полетом птицы, раздавливанием муравья, зарабатыванием себе на жизнь, делая лишь то, что по душе, – я поморщился. – Не слишком длинно?

Он кивнул.

– Длинно – не то слово. О'кей, как вы намерены произвести на мир впечатление?

Я вылез из-под самолета.

– А как насчет того, что я разрешу миру жить так, как он сам выберет, и разрешу себе жить так, как выберу я сам?

Он улыбнулся мне счастливой улыбкой.

– Это слова настоящего мессии! Просто, прямо, афористично, и не отвечает на вопрос, пока кто-нибудь не возьмет на себя труд как следует над этим подумать.

– Давай попробуем еще, – мне доставляло удовольствие следить за тем, как работает мой мозг.

– Учитель, – сказал он, – я хочу быть любимым, я добр, я поступаю с другими так, как мне бы хотелось, чтобы они поступали со мной, но у меня нет друзей, я одинок. Что ты ответишь на это?

– Сдаюсь, – развел я руками. – У меня нет ни малейшей идеи, что тут можно сказать.

– ЧТО?

– Ну, Дон, можно отделаться какой-нибудь шуткой, чтобы оживить атмосферу. Невинной шуткой для смены настроения.

– Атмосферу оживлять нужно тоже осторожно. Для людей, которые приходят к тебе, проблемы эти не шутки и не игры, если только они сами не являются высоко просвещенными и, таким образом, не знают, что являются своими собственными мессиями. Если тебе задают вопрос, будь любезен на него ответить. Попробуй пару раз сказать «сдаюсь», и ты быстренько окажешься горящим на костре.

Я встал в гордую позу.

– Ученик, ты пришел ко мне за ответом, и ты получишь его. Золотое правило здесь неупотребимо. Как бы тебе понравился мазохист, который обращался бы с другими так, как бы ему хотелось, чтобы другие обращались с ним? Или если бы на его месте оказался поклоняющийся Богу крокодилов, жаждущий быть заживо брошенным в яму с аллигаторами?.. Даже тот самый добрый самаритянин, с которого все и началось... Почему он решил, что человек, которого он нашел лежащим на обочине, непременно желает, чтобы его раны омыли оливковым маслом? А что если этот человек решил воспользоваться свободной минутой, чтобы ради разнообразия исцелить себя духовно? – мне показалось, что мои слова звучат убедительно. – Даже если изменить это правило на «поступай с другими так, как им бы этого хотелось», мы все равно не сможем узнать, как кто-либо, кроме нас самих, хочет, чтобы с ним поступали. На самом

деле, для того чтобы применить Правило со всей честностью, его необходимо сформулировать так: *поступайте с другими так, как вы сами хотите с ними поступить*. Повстречайте того же мазохиста и, вооружившись этим правилом, вы не будете обязаны стегать его кнутом просто из-за того, что этого хочет он, а не вы. Не придется вам сбрасывать в яму и поклонников крокодилов, – я посмотрел на него. – Опять слишком длинно?

– Как всегда, Ричард. Если ты не научишься быть кратким, ты потеряешь девяносто процентов своей аудитории.

– Ну и что из того? – огрызнулся я. – Пусть даже я потеряю всю свою аудиторию. Я знаю то, что знаю, и говорю то, что говорю. Если я не прав, меня это не трогает. Десять минут полета – три доллара, деньги вперед!

– Знаешь что, – Шимода встал, отряхивая соломинки со своих голубых джинсов.

– Что? – обидчиво спросил я.

– Учеба закончена. Ну, как ты себя чувствуешь в роли Учителя?

– Чертовски растерянно.

Он посмотрел на меня с неуловимой улыбкой.

– Ты начинаешь привыкать, – сказал он.

*Вот тест,
Чтобы вы могли выяснить,
Завершена ли ваша миссия
В этой жизни на Земле:
Если вы живы,
Значит нет.*

16.

Скобяные лавки всегда похожи на длинные коридоры с полками, уходящими в бесконечность.

Я бродил по магазину Хейуорда в поисках болтов и гаек на 3/8 и стопорных зажимов для тормозных башмаков заднего колеса «Флита». Шимода терпеливо дожидался меня, ему, конечно, ничего этого не требовалось. Я подумал о том, что вся экономика пошла бы прахом, если бы все так же как он создавали все, что им нужно, из мысленных форм и воздуха, и делали бы ремонт без запасных частей, не прикладывая рук.

Я нашел с полдюжины нужных мне болтов и шел обратно к прилавку, когда вдруг услышал тихую лютневую музыку, доносившуюся из какой-то спрятанной акустической системы. Это было довольно странно для городка с населением в четыреста человек. Звучали «Зеленые рукава», мелодия, знакомая мне с детства.

Выяснилось, что это было неожиданно и для самого Хейуорда, поскольку звук доносился вовсе не из акустической системы. Хозяин сидел, откинувшись на спинку своего деревянного стула, и слушал, как мессия играет этот мотив на дешевой шестиструнной гитаре, взятой им с прилавка. Звук был прелестный, и пока я платил свои семьдесят три цента, он меня захватил. Возможно, все дело было в плохом качестве дешевого инструмента, но он звучал так, будто доносился из тумана средневековой Англии.

– Как красиво, Дональд! А я и не знал, что ты умеешь играть на гитаре.

– Ты не знал? Ты что же думаешь, если бы к Иисусу Христу подошли и дали бы ему в руки гитару, он сказал бы: «Извините, я не умею играть на этой штуке»? Ты можешь себе такое представить?

Шимода положил гитару на место, и мы вышли на улицу.

– Если к любому стоящему учителю подойдет человек и обратится к нему на русском или персидском, он не поймет, что ему говорят? И если ему вдруг понадобится собрать трактор или управлять самолетом, он не сможет этого сделать?

– Выходит, ты знаешь все?

– Конечно. И ты тоже. Я просто знаю, что я знаю все.

– И я смог бы точно так же играть на гитаре?

– Нет, у тебя была бы своя манера игры, не такая, как у меня.

– А как бы это у меня получилось? – я вовсе не собирался бежать обратно и покупать себе гитару, просто мне было любопытно.

– Нужно всего лишь отбросить свою веру в то, что ты не умеешь играть. Прикоснись к гитаре так, как будто она часть твоей жизни, чем она и является в какой-то другой твоей жизни. Будь абсолютно уверен в том, что хорошо играть для тебя обычное дело, позволь своему подсознанию управлять твоими пальцами. Так ты и начнешь играть.

Я что-то читал об этом, об обучении под гипнозом, когда ученикам внушают, что они великие художники, и те начинают творить истинные шедевры.

– Дон, мне будет трудно избавиться от уверенности в том, что я не умею играть на гитаре.

– В таком случае тебе будет трудно научиться играть. Тебе годами придется практиковаться, перед тем как ты позволишь себе играть хорошо, перед тем как твое сознание скажет тебе, что ты достаточно выстрадал, чтобы заслужить право хорошо играть.

– Тогда почему я так быстро научился управлять самолетом? Говорят, что это не так просто, но я схватывал все на лету.

– А ты хотел летать?

– Больше всего на свете! Ничего так много для меня не значило. Я смотрел вниз на утренние облака, на то, как поднимается дым из труб, и я видел...О, я начинаю понимать. Сейчас ты скажешь: «Ты никогда не относился так к гитарам». Верно?

– Ты никогда не относился так к гитарам, верно?

– Мне в голову пришла странная мысль. Дон, а как ты научился летать? Просто в один прекрасный день ты сел в «Трэвел Эйр» и полетел, хотя до этого не управлял самолетом?

– У тебя неплохая интуиция.

– Ты не сдавал экзамены на права? Нет, погоди, у тебя, должно быть, совсем нет прав, обычных прав на вождение самолета.

– Ты имеешь в виду листок бумаги, Ричард? Ты говоришь об этих правах?

– Да, именно о листке бумаги.

Он не стал лезть в карман или доставать бумажник, он просто разжал пальцы правой руки. На ладони лежали его летные права, будто он держал их в руке и ждал, что я попрошу его показать их. Они не были ни потертыми, ни согнутыми, и я подумал, что десять секунд назад их вообще не существовало.

Но я взял их и внимательно рассмотрел. Это было официальное

удостоверение пилота с печатью Департамента Транспорта. Дональд Уильям Шимода, проживающий в штате Индиана, свидетельствовался в том, что является гражданским пилотом и имеет право на вождение одно- и двухмоторных самолетов и планеров.

– А права на вождение гидросамолетов и вертолетов у тебя есть?

– Если они мне понадобятся, они у меня будут, – сказал он так таинственно, что я расхохотался раньше него. Дворник, подметавший тротуар, посмотрел на нас и тоже улыбнулся.

– А как насчет меня? – спросил я. – Я хочу удостоверение пилота международных линий.

– Тебе придется самому подделывать себе права, – сказал он.

На радиошоу Джеффа Сайкса я увидел Шимоду таким, каким раньше не видел ни разу. Шоу началось в девять вечера и шло до полуночи. Транслировалось оно из комнатухи, заставленной проигрывателями, магнитофонами и пультами, и заваленной катушками с рекламными пленками.

Сайкс открыл шоу и спросил у Дональда, нет ли ничего противозаконного в том, что мы летаем по стране на старинных самолетах и катаем пассажиров.

Было бы естественным ответить: нет, в этом нет ничего противозаконного, поскольку наши самолеты проверяются так же тщательно, как и любой реактивный лайнер. Они надежнее и прочнее большинства цельнометаллических самолетов, и все, что нам требуется для полетов, это летные права и разрешение фермеров. Но Шимода выбрал другой ответ.

– Никто не может помешать нам делать то, что мы хотим, Джеф, – сказал он.

– Это, конечно, было абсолютно верно, но в ответе отсутствовал всякий такт, необходимый в разговоре с людьми, сидящими у своих радиоприемников и интересующимися, кто и с какой целью летает вокруг их городов на этих старых бипланах. Минуту спустя на пульте Сайкса замигала лампочка.

– Нас вызывает абонент номер один, – сказал Сайкс. – Говорите, мадам.

– Я в эфире?

– Да, мадам, вы в эфире. Наш гость – летчик Дональд Шимода. Говорите.

– Я хочу сказать этому парню, что не все делают что хотят, и что кое-кому приходится работать, чтобы себя прокормить, и брать на себя больше ответственности, чем этим карнавальным летунам.

– Те, кто работает, чтобы себя прокормить, делают то, что им больше всего хочется делать, – сказал Шимода, – так же как и те, кто играет, чтобы себя прокормить.

– В Писании сказано, что в поте лица своего зарабатываем мы свой хлеб насущный, и в скорби едим мы его...

– Мы свободны поступать и так, если этого захотим.

– Делайте свое дело! Мне надоело слушать, как такие, как вы, твердят: делайте свое дело, делайте свое дело! Вы сбиваете людей с толку, и если так пойдет дальше, этот мир рухнет. Посмотрите, что делается с растениями, реками, океанами!

Она дала ему возможность для пятидесяти разных ответов. Он отверг их все.

– То, что мир разрушается, это о'кей, – сказал он. – Мы можем создать тысячу миллионов других миров и выбрать из них любой. Пока людям будут нужны для жизни планеты, планеты у них будут.

Вряд ли он рассчитывал успокоить женщину своим ответом. Я смотрел на Шимоду с удивлением. Он говорил со своей точки зрения перспективы множества жизней, с точки зрения знаний, которыми мог обладать только Учитель. Слушатели же, естественно, предполагали, что дискуссия касается лишь реальности действительного мира, начинающегося рождением и заканчивающегося смертью. Он знал это... Почему он этого не учитывал?

– Вы считаете, что все о'кей, – продолжала женщина, – что в мире, окружающем нас нет ни зла, ни греха? Это вас не беспокоит?

– Не о чем беспокоиться, мадам. Мы видим лишь крохотную частицу целого, которую называем жизнью, и эта частица – фальшивка. Все находится в равновесии. Без собственного на то согласия никто не страдает и никто не умирает. Никто не делает того, что ему делать не хочется. Вне того, что делает нас счастливыми и вне того, что делает нас несчастными, не существует ни добра, ни зла.

Это также не успокоило леди на другом конце телефонного кабеля, но она взяла себя в руки и спросила:

– Откуда вы все это знаете? Почему вы уверены в том, что все, что вы говорите, правда?

– Я не знаю, правда ли это, – сказал он. – Я верю в то, что это правда, потому что мне нравится в это верить.

Я закрыл глаза. Он мог бы сказать, что испытал все это сам, и что все это истина... Исцеления, чудеса, вся его жизнь подтверждала правдивость его слов. Но он не сказал этого. Почему?

– Каждый, кто когда-нибудь был кем-то, каждый, кто когда-нибудь был счастлив, каждый, кто когда бы то ни было получил дар жизни в этом мире, был божественно эгоистичной душой, живущей только для себя. Исключений нет.

Следующим позвонил мужчина.

– Эгоистичной душой! Мистер, а вы знаете, кто такой антихрист?

На секунду Шимода улыбнулся и откинулся на спинку стула. Мне показалось, что он чуть ли не лично знаком с собеседником.

– Может быть, вы сами скажете мне, кто он такой? – сказал он.

– Христос говорил, что мы должны жить для своих братьев. Антихрист говорит: будьте эгоистами, живите для себя, пусть остальные идут к черту в ад...

– Или к Богу в рай, или еще куда-нибудь, куда бы им ни захотелось пойти.

– Вы опасный тип, вы знаете об этом, мистер? Что если бы все вас послушались и начали делать все, что им захочется? Что бы тогда случилось?

– Я думаю, что тогда Земля, пожалуй, была бы самой счастливой планетой в этой части Галактики.

– Мистер, я не уверен, что мне хотелось бы, чтобы мои дети вас слушали.

– А вы не спрашивали у ваших детей, что они хотят слушать сами?

– Если мы все свободны делать то, что хотим делать, тогда я свободен прийти к вам на поле со своим ружьем и разmozжить вашу дурацкую голову.

– Конечно, вы свободны это сделать.

Раздался резкий звук брошенной трубки. Где-то в городе был, по крайней мере, один рассерженный человек. Остальные люди, недовольные нам, звонили в это время на студию. На пульте мигали все лампочки.

Все могло быть иначе. Он мог бы сказать то же самое, но по-другому, никого не разозлив. Мной овладело чувство, подобное тому, которое я испытывал в Трое, когда толпа окружила его. На его месте я бы отсюда улетел, и чем скорее, тем лучше. Книга не помогла мне.

Для того

Чтобы жить свободно и счастливо,

Ты должен пожертвовать скукой.

Это всегда легкая жертва.

Джефф Сайкс рассказал всем о том, кто мы такие, о том, что наши самолеты находятся на частном поле номер сорок один, принадлежащему Джону Томасу, и о том, что мы ночуем у наших машин.

Я почти физически ощущал ненависть, исходящую из людей, испуганных за нравственность своих детей, за будущее Американского Образа Жизни, и это меня отнюдь не радовало. До конца шоу оставалось

всего лишь полчаса, но все шло только к худшему.

– Вы знаете, мистер, – сказал следующий абонент, – я думаю, что вы обманщик.

– Конечно же, я обманщик, – ответил Дон. – В этом мире мы все притворяемся не теми личностями, которыми на самом деле являемся. Мы не живые тела, мы не атомы и не молекулы, мы – вечные и неразрушимые идеи Сути, вне зависимости от того, что бы мы о себе ни думали.

Если бы мне не понравились его слова, он первый бы напомнил мне о том, что я могу уйти, он первый бы посмеялся над моими страхами перед толпой, ожидающей нас с факелами в руках в предвкушении суда Линча.

18.

*Не бойтесь расставаний,
Прощание неизбежно
Перед тем как
Вы сможете встретиться
Снова.*

*И следующая встреча,
Спустя минуты или жизни,
Неизбежна для тех, кто является
Друзьями.*

На следующий день, пока мы были в поле одни, он подошел ко мне.

– Помнишь, что ты сказал, когда выяснил, что моя проблема в том, что никто не будет слушать меня, сколько бы чудес я ни сотворил?

– Нет.

– А ты помнишь, когда это было, Ричард?

– Да, припоминаю. Ты вдруг показался мне ужасно одиноким. Но я не помню, что именно я тогда сказал.

– Ты сказал, что если я завишу от того, как люди относятся к моим словам, значит и мое счастье зависит от других людей. В этой жизни я должен был научиться вот чему: *не имеет ровно никакого значения, общаюсь я с людьми или нет.* Я выбрал эту жизнь, для того чтобы поделиться с кем-нибудь своими знаниями о том, как устроен мир, хотя мог бы выбрать ее и для того чтобы вообще ничего не говорить. Суть не нуждается в том, чтобы я кому-то объяснял, как она действует.

– Дон, это же очевидно. Я и сам мог тебе это сказать.

– Мерси. Я нахожу идею, ради которой прожил эту жизнь, постигнув которую, я закончил работу всей своей жизни, а он говорит мне: «Дон, это же очевидно».

Он смеялся, но лицо его было печальным. На этот раз я не знал, почему.

19.

*Степень
Твоего невежества
Заключается в глубине твоей веры
В несправедливость и трагичность.*

*То, что червяк
Называет концом света,
Учитель называет
Бабочкой.*

Единственным предупреждением мне в тот день были слова из книги. Еще секунду назад, стоя на верхнем крыле «Флита» и заливая в бак бензин, я наблюдал обычную толпу людей, стоящих в ожидании своей очереди на полет. Его самолет подрулил к нам и остановился рядом в вихре ветра от пропеллера. В следующий момент я услышал звук, похожий на взрыв проткнутой шины, и вслед за этим толпа взорвалась и разбежалась в разные стороны. Шины «Трэвел Эйр» оставались нетронутыми, мотор продолжал лениво стучать, но в обшивке кабины пилота зияла дыра в фут шириной, а сам Шимода сидел, уронив голову на грудь, прижатый к противоположной стене, неподвижный как труп.

Мне хватило нескольких тысячных долей секунды, чтобы понять, что в Дональда Шимоду стреляли, еще одной тысячной, чтобы бросить канистру с бензином, прыгнуть на землю и со всех ног пуститься к его самолету. Все это было похоже на киносценарий, на любительский спектакль. Какой-то мужчина с ружьем в руках пробежал вместе со всеми так близко от меня, что я смог бы достать его. Теперь я вспоминаю, что тогда почти не обратил на него внимания. Я не был в ярости, в шоке или в ужасе. Единственное, что было для меня важно, это как можно быстрее добраться до кабины «Трэвел Эйра» и поговорить с моим другом.

Он выглядел так, будто рядом с ним взорвалась бомба. Левая часть его тела была сплошным месивом из разорванной кожи, ткани, мяса и крови, мокрой алой массой.

Его голова склонилась к рычагу газа, к правому нижнему углу приборной доски, и я подумал о том, что если бы он пристегнулся ремнем, его бы так не швырнуло.

– Дон, с тобой все о'кей? – идиотские слова.

Он открыл глаза и улыбнулся.

– Ричард, на что это похоже?

Когда я услышал это, я почувствовал огромное облегчение. Если он мог говорить, значит он мог и думать, значит с ним все будет в порядке.

– Точно не скажу, приятель. Похоже, у тебя возникли кое-какие трудности.

Он не шевелился, и я опять испугался, не столько ранам и крови, сколько его неподвижности.

– Я не думал, что у тебя есть враги.

– У меня их нет. Это был... друг. Лучше не иметь... Ненависть приносит в жизнь... неприятности... Он убил меня...

Кресло и боковые панели кабины были перепачканы кровью. Сам самолет почти не пострадал, но очистить кабину было бы нелегко.

– Дон, это должно было случиться?

– Нет, – тихо произнес он, едва дыша, – но мне кажется... что эта драма мне нравится.

– Ну что же ты?! Исцели себя! Смотри, сколько людей вокруг, они ждут полетов!

Но пока я так шутил, мой друг Дональд Шимода, несмотря на все свои знания и понимание реальности, упал головой на рычаг газа и умер.

В ушах у меня шумело. Весь мир как бы прогнулся, и я сполз с края разорванного фезюляжа в красную мокрую траву. Тяжесть книги, лежащей в моем кармане, опрокинула меня на бок, и в тот момент, когда я коснулся земли, она выпала и раскрылась. Ветер медленно перелистывал ее страницы.

Я поднял книгу. Неужели все кончается именно так, подумал я, неужели все, что говорил мой учитель – пустые слова? Неужели он не смог спасти себя от первого же нападения этого сумасшедшего?

Мне пришлось трижды прочитать слова на открытой странице, прежде чем их смысл дошел до меня.

*Все,
Написанное
В этой
Книге,
Может
Оказаться
Неправдой.*

К о н е ц

Эпилог

Осенью я летел на юг, к теплу. Хороших полей оставалось все меньше, зато облака все росли и росли. Людям всегда нравилось летать на моем биплане, и в эти дни многие из них оставались вечером поговорить и перекусить у моего костра.

Время от времени некоторые из тех, кому это не слишком надоедало, говорили мне, что после этих бесед они начинали чувствовать себя лучше, и на следующий день люди начинали посматривать на меня со странным любопытством. Не раз я улетал раньше, чем собирался это сделать. Никаких чудес не происходило, хотя «Флит» стал летать лучше, чем когда бы то ни было, и тратит меньше горючего. Он перестал разбрызгивать масло, и жуки больше не разбивались о пропеллер и лобовое стекло. Дело было, несомненно, в холодном воздухе – не могли же они, в самом деле, научиться увертываться от моего самолета.

И все же, в тот летний день, когда Шимода был убит, для меня что-то закончилось. Это был финал, в который я не мог поверить, который не мог понять. Он так врезался в мою память, что я пережил его тысячу раз снова, словно надеясь что-то изменить. Чему я должен был научиться в тот день?

Однажды, поздним октябрьским вечером, после того как я улетел от испугавшей меня толпы в Миссисипи, я приземлился на маленьком пустом поле.

В который раз, перед тем как заснуть, я опять думал, почему он умер. Для этого не было никаких причин. Если бы то, что он говорил, было правдой...

Мне не с кем было поговорить так, как мы говорили с ним, не у кого учиться, некого подкалывать и атаковать своими иллюзиями, чтобы натренировать тем самым свой мозг. Я сам? Да, но во мне не было и половины шарма Шимоды, который учил меня, периодически сбивая с ног своим духовным каратэ.

Думая об этом, я заснул и, заснув, увидел сон.

Он стоял на коленях в траве спиной ко мне и заделывал дыру в кабине «Трэвел Эйра» в том месте, куда попала разрывная пуля. У его ног валялись рулон первосортной авиаткани и банка с масляным аэролаком. Я понимал, что это лишь сон, но в то же время я знал, что все это реально.

– ДОН!

Он медленно встал и повернулся ко мне, улыбаясь моему горю и моей радости.

– Привет, – сказал он.

Из-за слез я ничего не видел. Смерти не было. Смерти вообще никогда не было, и этот человек был моим другом.

– Дональд!.. Ты жив! Что ты там делаешь?

Я подбежал и обнял его. Он был реален. Я чувствовал наощупь кожу его летной куртки, плоть его рук.

– Привет, – сказал он, – если ты не возражаешь, я сейчас заделаю эту дырку.

Я был так счастлив видеть его, что уже ничего не казалось мне невозможным.

– Лаком и тканью? – спросил я. – Ты пытаешься ее залатать лаком и тканью?.. Брось, смотри, все уже прекрасно сделано, – и с этими словами я провел рукой над окровавленной обшивкой, и когда я убрал руку, дыры уже не было. От носа до хвоста самолет был обтянут новенькой блестящей как зеркало тканью.

– Так вот как ты это теперь делаешь! – сказал он, и в его глазах я прочитал гордость за своего тупого ученика, который наконец-то превратился в преуспевающего ментального механика.

Я не счел это странным, во сне мне это казалось обычным делом.

Рядом с его самолетом горел костер, над огнем висела сковородка.

– Ты что-то готовишь, Дон? Знаешь, я ни разу не видел, чтобы ты что-нибудь готовил. Что у тебя сегодня на завтрак?

– Оладьи, – сказал он само собой разумеющимся тоном. – Последнее, чему я хочу научить тебя в этой твоей жизни, это приготовление оладий.

Он отрезал два куска своим карманным ножом и один из них подал мне. До сих пор я ощущаю во рту этот вкус... Вкус опилок и застарелого библиотечного клейстера, зажаренных на свином жире.

– Ну, как? – спросил он.

– Дон...

– Месть призрака, – улыбнулся он. – Я сделал их из замазки.

Он бросил свой кусок обратно на сковородку.

– И все это для того, чтобы напомнить тебе, что если ты когда-нибудь захочешь наставить кого-то на путь истинный, делай это при помощи своих знаний, а не посредством оладий, о'кей?

– НЕТ! Полюби меня, полюби мои оладьи, Дон! Это для меня вопрос жизни и смерти!

– Хорошо, но я гарантирую тебе, что твой первый же ужин с кем

угодно тут же станет последним, если ты будешь угощать его своими оладьями.

Мы расхохотались и тут же замолчали. Я смотрел на него, не говоря ни слова.

– Дон, с тобой все в порядке?

– А ты считаешь меня мертвым, а, Ричард?

– Это не сон? Я не забуду, что я тебя видел?

– Нет, это не сон. Это другая пространственно-временная система, а каждая другая пространственно-временная система для нормального земного существа, которым ты пробудешь еще некоторое время, является сном. Но ты запомнишь этот сон, и это изменит твоё мышление и твою жизнь.

– Я увижу тебя снова? Ты вернешься?

– Не думаю. Я хочу подняться над временем и пространством... Я, собственно, уже это сделал, но между нами существует связь, между нами и другими членами нашей семьи. Если перед тобой встанет какая-нибудь неразрешимая проблема, сконцентрируй на ней все свои мысли и ложись спать. Тогда, если захочешь, мы сможем встретиться здесь, у моего самолета, и обсудить ее.

– Дон...

– Что?

– Почему именно ружье? Почему это случилось? Я не вижу ни славы, ни честь в том, чтобы подставить свою голову под выстрел.

Он сел в траву под крыло.

– Поскольку я никогда не был сенсационным мессией, я никогда не был обязан кому-нибудь что-нибудь доказывать. А так как есть необходимость попрактиковаться в том, чтобы поспокойнее относиться ко всевозможным явлениям *и не быть ими расстроенным*, – веско добавил он, – для тренировки не мешает воспользоваться кровавыми явлениями. Мне это тоже было неприятно. Смерть похожа на ныряние в глубокое озеро в жаркий день. Сначала ты чувствуешь шок от холодной острой перемены субстанции, секундную боль от этого шока, и затем, приняв смерть, ты можешь выкупаться в ее реальности. Но после стольких раз можно привыкнуть даже к шоку.

Через некоторое время он встал.

– Лишь немногим людям будет интересно то, что ты им скажешь. Но, наверное, так оно и должно быть. Запомни: достоинства Учителя определяются не размерами толпы, которые его окружают.

– Дон, я обещаю тебе запомнить это. Но я брошу это дело, как только

перестану получать от него удовольствие.

Никто не подходил к «Трэвел Эйру», но его пропеллер начал вращаться, мотор выбросил облачко голубого дыма, и его звук наполнил все пространство над лугом.

– Обещание принято, но...– он посмотрел на меня и улыбнулся, будто бы не понимая меня. – Тебе не нравятся толпы, – сказал он.

– Нет, не то чтобы они мне не нравились, просто я люблю разговаривать и обмениваться идеями, но то поклонение, через которое ты прошел, и эта зависимость... Я надеюсь, ты не будешь от меня этого требовать, я уже несколько раз убежал...

– Ричард, возможно я туповат и не вижу то, что для тебя очевидно, и если это так, скажи мне, а почему бы тебе не написать обо всем этом? Разве есть правило, запрещающее мессиям писать о том, что они считают истиной? О том, что для них было радостью, о том, как все на самом деле происходит? И тогда, может быть, те люди, которым не нравится, что мессия говорит им, вместо того чтобы стрелять в него, просто сожгут его записки и развеют пепел по ветру? А если они им понравятся, они смогут перечитывать их или писать избранные цитаты на дверцах своих холодильников, или поступить с ними так, как только им заблагорассудится. Что в этом плохого? Может быть я просто что-то не понимаю?

– В книге?

– Почему бы и нет.

– Ты знаешь, столько труда... Я дал клятву больше не писать ни слова, никогда в жизни!

– О! Прощу прощения! – сказал он. – Я не знал об этом, – он поднялся на нижнее крыло самолета и забрался в кабину. – Ну что же, как-нибудь увидимся. Будь здесь, вот и все. Не позволяй толпе себя достать. Кстати, ты все же уверен в том, что тебе не захочется об этом написать?

– Никогда в жизни, – ответил я, – больше ни слова.

Он пожал плечами, добавил газу, и звук мотора стал громче и закружил меня, и кружил до тех пор, пока я не проснулся. Эхо сна еще звучало в моих ушах.

Я был совсем один, поле было тихим, как зеленый осенний снег над рассветом и над миром.

И затем, забавы ради, еще окончательно не проснувшись, я, один мессия в мире других, достал свой летный журнал и начал писать о своем друге:

1. Случилось пришествие на эту планету Учителя, рожденного в святой земле Индианы, выросшего на мистических лугах к востоку от Форт Уэйна.

.....